

A movie poster featuring a close-up of a woman with long, dark, wavy hair and a serious expression. She is resting her chin on her hand. A large, detailed cicada is perched on her forearm. The background is a warm, orange-toned landscape. In the top right corner, there is a circular rating icon.

18+

Кутизова Елена

**ИНКУБ
КОРОЛЕВСКОГО ДОМА**

Полет цикады

Инкуб королевского Дома

Елена Кутузова

Полет Цикады

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Кутузова Е. Г.

Полет Цикады / Е. Г. Кутузова — «ЛитРес: Самиздат»,
2017 — (Инкуб королевского Дома)

Прошло несколько лет с тех пор, как Анна оказалась в Эстрайе. Она освоилась, почти привыкла и успешно балансирует на грани своих привычек и обычаев страны соблазнительей. Но есть те, кому это не по нраву...

Утро пришло сопровождаемое ветерком, ворвавшимся в открытые окна. Измученная дневной жарой Анна запретила закрывать их даже на ночь, и теперь невидимый бродяга ласкал обнаженную кожу прохладными пальцами.

Перед тем, как ворваться в спальню Наири, он пробежался по саду, и его невесомые одежды пропитались ароматом ночной фиалки и жасмина.

Анна улыбнулась, почувствовав невесомый поцелуй, и открыла глаза.

Взгляд Эйра лучился теплом. Его ладонь мягко скользнула по спине, сдвигая складки легкого покрывала к пояснице и ниже, ниже... Анна выгнулась, как кошка, и едва не заурчала от удовольствия. А когда Эйр потянулся к ней, решительно скатилась с кровати:

– Нет, – она лежала на мягком ковре, и шелковые ворсинки щекотали спину. Анна смотрела на своего мужчину. Красив, как античный бог! «Инкуб», поправила сама себя, продолжая бесстыдно скользить взглядом по обнаженному телу.

Эйр свесился с кровати, так что отросшие волосы упали на лицо. Руки, перевитые мускулами, уперлись в пол. Перебирая ими, он попытался добраться до Анны. Та отползла:

– Не сейчас!

– Почему? – Эйр взмахом головы откинул волосы. Черные глаза смотрели с укором.

Анна снова залюбовалась: напряженные мышцы перекачивались под смуглой кожей. Хотелось протянуть руку, почувствовать под ладонью их рельеф, а потом...

Усилием воли она отогнала от себя такие приятные, но неуместные мысли.

– Потому что если ты ко мне сейчас прикоснешься, мы рискуем остаться в кровати на весь день.

– А разве это плохо?

Анна рассмеялась. Похоже, ей удалось удивить непробиваемого телохранителя.

– Ну, сам подумай! Тебя ждет работа, меня – больница и Храм...

– Меня вполне заменит Тайкан. А тебя... Кажется, врачей в своей больнице ты вымуштровала почище, чем я – рорагов. Так что с этой стороны сюрпризов не предвидится. А что касается Храма... Думаю те, кто ожидают на его ступенях, больше обрадуются пране.

Соблазн устроить себе внеочередной выходной да еще провести его с любимым был велик. И все же Анна осталась непреклонна:

– Нет. Подъем, мой верный рораг!

– Ну, этот приказ я давно выполнил! – одним движением командир телохранителей Наири сдернул уголок простыни, еще прикрывающей тело, и продемонстрировал полную боевую готовность. – Только дай приказ идти в атаку!

– Вольно! – хмыкнула Анна и ускользнула от жадных рук.

Теплая вода падала в изумрудную чашу. Анна блаженно выгнулась, чувствуя приятную истому во всех мышцах. Стоило бы поплавать, бассейн уровнем ниже манил чуть тронутую рябью поверхностью прозрачной воды. Однако времени на самом деле не было. Как и желания.

Тихо перешептываясь, вошли фрейлины. Поклон до земли, приветствие... Анна уже привыкла. И закрыла глаза, предоставив девушкам заниматься утренним туалетом.

Запахло розовым маслом. Вода стала горячее – фрейлины перенаправили потоки воды, добавили благовоний. Анне казалось, что действуют они слишком медленно.

Никто не заставлял её торопиться. Жизнь Наири – бесконечная череда развлечений и утех, среди которых нет запретных. Штат инкубов и суккубов в полном её распоряжении в любое время дня и ночи. Они наизнанку вывернутся, чтобы исполнить любой каприз, даже если он будет стоять им жизни. А если их мало... любой житель Эстрайи с удовольствием станет игрушкой Воплощения Лилит.

Анна перечитала немало жизнеописаний прежних Наири. И, несмотря на то, что смирилась со своим положением, уподобляться им не хотела. Стать овощем, думающим только о развлечениях и удовольствии? Ну уж нет!

Она с ослиным упрямством выбивала себе право на нормальную жизнь, причем немалую долю её посвятила работе. Благодаря Анне в Эстрайе появилась больница для всех жителей страны, а не только для придворных. Наири немало времени и средств уделяла её развитию. Окружающие смирились с этим, хотя до сих пор не могли понять, почему Воплощение Лилит сама возится с пациентами, вникает во все проблемы... как будто для этого нес служащих!

Уразумев же, что это делает их божество счастливым, смирились. «Все к удовольствию Наири» – девиз, который инкубы и суккубы впитывали с молоком матери.

– Госпожа, явился Саван Хон.

– Впустите!

За несколько лет вихрастый юноша превратился в молодого мужчину. Очень красивого. Но и Анна изменилась. Она уже не стыдилась наготы и приняла многие обычаи Эстрайи. И больше не считала присутствие адъютанта в купальне чем-то неестественным.

– Госпожа! – Хон преклонил колени на пороге.

– Заходи. Что у нас сегодня?

– Визит в Храм, затем визит во Дворец. Там вас приветствует государь и его министры, после чего последует Малая Чайная церемония в покоях королевы. Затем вы вернетесь к себе для отдыха и развлечений.

– Хон, – Анна на миг отвлеклась от выбора украшений, – ты кое-что забыл.

Тяжелый вздох показал, что молодой адъютант не забыл, а специально не включил в распорядок важную часть. Уличенный в лукавстве, он тут же исправился.

– После кратковременного отдыха Наири проследует в больницу для приема пациентов и обсуждения текущих потребностей заведения. Вечером вас ждет ужин в гареме.

– Думаю, для ужина и спальни достаточно.

Хон тут же внес очередное исправление в распорядок дня.

Фрейлины предложили подобающий случаю наряд. Корсет с золотыми вставками заставлял держать спину и одновременно поднимал грудь, придавая ей пышные формы. Она осталась обнаженной. Зная, как Наири относится к подобному, девушки позаботились о шарфах – полупрозрачная ткань создала пусть небольшой, но намек на приличия.

Юбка оказалась такой же многослойной, а на просвет... не прикрывала ничего. Анна в очередной раз понадеялась, что жрецы не поставят светильники у неё за спиной. И на всякий случай велела принести любимый пояс: его длинные, широкие концы спадали спереди и сзади тяжелыми, расшитыми драгоценными камнями лентами, скрывая от нескромных взглядов то, что так старательно открывало платье. Дополнило наряд ожерелье из сапфиров в золоте и множество браслетов на руках и ногах.

Ходить во всем этом великолепии быстро Анна так и не научилась. Зато движения приобрели плавность, даже какую-то вальяжность. Зеркала на её пути отражали сияющую, уверенную в себе женщину, довольную жизнью. Только счастья от визита в Храм Анна совсем не испытывала. Относилась к этому, как к необходимому злу, и изо всех сил старалась сократить время посещений. А еще... – она усмехнулась сама себе, – Анна научилась лгать. Вот и теперь губы вместо кривой гримасы тронула легкая, загадочная улыбка. Что творилось в душе Наири, знала лишь она сама.

Да еще, быть может, Эйр. Анна поймала его обеспокоенный взгляд и тут же улыбнулась, в этот раз – искренне. Рораг вернул улыбку и вместе со всеми опустился на колени, приветствуя Воплощение Лилит.

Здесь, за пределами спальни, он был лишь телохранителем. Пусть и Верховным.

Его правая рука – Тайкан, бывший когда-то возлюбленным прежней Наири, уткнулся лицом в пол рядом с командиром. Потрясенный гибелью любимой и последующими событиями, он чудом сохранил разум. Анна долго разбиралась, что у него на душе, и наконец, он открылся. Чуть-чуть. Совсем немного, так что Анна до сих пор не могла понять, что таится за

ясным взглядом внимательных глаз. Одно знала точно: вернее слуги у неё не было. За исключением Эйра.

Наири с улыбкой оглядела лежащую на полу свиту. На ногах остались только фрейлины, помогающие с утренним туалетом, да Хон. Он приветствовал её в купальне и теперь расслабленно стоял чуть в стороне. Анна знала – это спокойствие обманчиво. Миг – и красивый юноша превратится в чудовище, готовый рвать на части за свою госпожу. А еще... он до сих пор так и не избавился от своей первой любви. И на Эйра, капитана телохранителей Наири, смотрел... многообещающе.

– Поднимитесь! – велела Анна.

И повела свиту в сад, в любимую беседку.

Утро едва началось, а солнце уже злилось. И только под навесом, защищенным со всех сторон цветущими кустами, еще сохранялась ночная прохлада. Хотя и она постепенно отступала перед духотой.

Анна опустилась на подушки. В беседку за ней последовали только опяхалоносец и Рийта, главная фрейлина.

– Эйр? – позвала Анна.

День за днем этот ритуал оставался неизменным. Ежедневно любовник разделял с Наири завтрак, обед и ужин. Но ни разу не подошел к столу без приглашения. Вот и теперь отвесил поклон и устроился на полу напротив.

Рийта поставили между ними низкий круглый столик и взмахнула рукой.

Служанки с подносами в руках подходили и, пересекая границу беседки, продолжали свой путь на коленях. От этого обычая Анна так и не смогла избавиться. Привыкла, и все же не начинала есть, пока последняя из девушек не удалялась.

Рис, маринованные в специях кусочки рыбы и кальмаров, креветки. Сладко-пряный суп из кукурузы и кокосового молока. Местные повара умели сочетать несочетаемые вкусы, и Анна по достоинству оценила странную кухню. Правда, разнообразила её своими любимыми рецептами. Блинчики и пельмени стали обязательными в еженедельном рационе. Правда, готовили их немного непривычно, используя местные продукты. Выходило потрясающе вкусно.

– Подожди! – остановил Эйр тянущуюся к палочкам руку.

Анна нахмурилась. Опять! Но во всем, что касалось безопасности обожаемой Наири, рораг оставался непреклонен. Он подозвал подчиненного.

Молодой телохранитель снял пробу со всех блюд, включая окрашенный шафраном рис. Анна напряженно наблюдала за его лицом – выпускники Академии Рорагов могли угадать несколько сотен ядов и приготовить противоядие. К счастью, в этот раз их умение не понадобилось – еда оказалась безопасной.

Тихо зазвучала музыка: за кустами расположился небольшой оркестр. Приятная, ненавязчивая мелодия улаживала слух не меньше, чем пища – вкусовые рецепторы.

Анна смотрела на креветки, политые соусом. Эйр их очень любил, не меньше, чем она сама. Но всегда оставлял все Наири. Вот и теперь – жевал рис, суп, рыбу... только не любимое блюдо!

– Аааам! – Анна подцепила кусочек палочками. – Ну? Открывай рот!

Смеясь, Эйр подхватил губами протянутое угощение. Соус остался в уголке губ. Анна тут же протянула руку, чтобы стереть... Эйр перехватил ладонь и поцеловал кончики тонких пальцев:

– Это вкуснее!

– Да ну тебя! – Анна отодвинулась. Эйр тут же посерьезнел, и завтрак прошел без дурачеств.

Анну это устроило. Её ждала храмовая церемония. «Моление о детях». Со скандалами, швырянием утвари, даже драками Анне удалось немного изменить этот ритуал, хотя это не

сделало его любимым. Напротив, каждый раз Наири шла в Храм, как на плаху, и с трудом выдерживала положенное время. Вот и сейчас мелькнула подленькая мысль: а может, не идти? Закрыться в спальне с Эйром... Несколько потоков праны, и все вокруг будут довольны.

– Что-то не так? – Эйр уловил тяжелый вздох.

– Все в порядке. Ты поел? Нам пора, не стоит заставлять страждущих ждать.

Рораг только плечами пожал: Наири вольна делать, что угодно. И если она захочет, опоздать... в этом нет преступления. Но приказ выполнил – к моменту выхода из сада паланкин уже стоял у ворот.

Двадцать носильщиков уткнулись лбами в белый мрамор плит. Солнце заливало площадь, и драгоценные камни паланкина рассыпались в его лучах алмазными и сапфировыми искрами. Металл сверкал так, что глазам становилось больно.

Анна не стала любоваться на это великолепие. Плиты, вымостившие двор, нагрелись, и жар проникал сквозь тонкую подошву сандалий. Да и большой зонт не спасал от ярости проснувшегося светила. Единственным способом укрыться от жара, было как можно скорее сесть в паланкин.

С ярко-синего зонта спадали волны плотной ткани, давая тень. Удобное кресло позволяло расслабиться. Одна из фрейлин заняла место сбоку. Большой веер работал плавно, пытаясь создать комфорт для Наири. Еще две служанки расположились в ногах. Одна держала кувшин и золотую чашу, вторая – блюдо с фруктами. Среди винограда, ломтиков персика, кусочков арбуза и дыни плавилась ледяная крошка.

Эйр занял место справа от паланкина. Его вороная Пустельга гарцевала, нетерпеливо перебирая тонкими ногами. Но крепкая рука всадника сдерживала её нетерпение, заставляя принаравливаться к шагу людей.

Слева на невысоком, ладно сложенном мерине ехал Тайкан. Он по-прежнему закрывал нижнюю часть лица шарфом, хотя, по мнению Анны, старый шрам ничуть его не портил. Напротив, придавал особый шарм. Почти рядом с ним, держать сзади на половину лошадиного корпуса, следовал маг. В обязанности полукровки входило следить за безопасностью Наири, величайшего сокровища Эстрайи, а также обеспечивать её нужды, насколько возможно. Если же она хотела невозможного... огромный штат магов Королевского Дома тут же принимался за дело, отринув остальные заботы.

Пятеро скороходов помчались впереди процессии. Их вопли перекрыли шум давно проснувшихся улиц, и он утих, словно прислушиваясь к зычным голосам. Все, кого нужда выгнала из дома в палящий зной, отступали к обочинам и опускались на колени, изредка приподнимая голову, чтобы полюбоваться выездом Наири.

За скороходами следовали рораги. Девять всадников по три в ряд заставляли встречных пятиться, расчищая путь. Барабаны задавали ритм, и им вторил ликующий вопль труб.

Подчиняясь музыке, кружились танцовщицы. Их покрывала взлетали и опускались, и среди мельтешения легких шелков время от времени показывалось то стройное бедро, то обнаженная грудь. Анна этого не замечала – с высоты паланкина она видела только прекрасную постановку, перетекание одних цветов в другие, реку переливчатой ткани, вкрапления золота головных уборов... Танец на самом деле услаждал взор, даже если приходилось смотреть сверху.

За паланкином шли адъютанты Наири и её Верховного Рорага. Хон – на шаг впереди, все же он считался личным секретарем госпожи.

Далее следовали фрейлины и слуги. Замыкали шествие пешие и конные рораги, готовые крушить все вокруг даже при намеке на опасность – в их памяти еще не стих ужас потери прежней Наири и бедах, карой Лилит обрушившихся на Эстрайю.

Сине-золотые крыши возвышались над городом. Единственным зданием, превосходившим Храм в размерах, был королевский дворец. Таков был Закон.

Коленопреклоненных стало больше – пруд и сад считались любимым местом отдыха горожан. Особенно в такую жару. Дети купались во внешних водоемах, взрослые, не обремененные тяжким трудом, отдыхали в тени плодовых деревьев. Анна снова пожалела тех несчастных, которым приходилось трудиться на солнцепеке: рабов, слуг, ремесленников. Но их она жалела и дома, в своем мире. Её собственные дни в далеком прошлом проходили в салоне машины «Скорой помощи», при открытых окнах. Или с работающим кондиционером, если везло.

Миновав внешние пруды, процессия остановилась. Смолкла музыка, танцовщицы расступились, пропуская спешившихся телохранителей. На мост вступили в тишине.

На самой вершине дуги остановились. Ане подали чашу с шариками размером с лесной орех. Не сходя с носилок, она бросила несколько штук в воду.

Корм плавал на поверхности, постепенно размокая. Рыбешки сгруппировались вокруг, позволяя любоваться собой. Похожие на карпов кои, невероятно цветастые, гибкие, юркие, они были прекрасны! Но только в этом пруду водились два окраса, которые Анна нигде больше не встречала. Яркие индиговые пятна расплывались на золотистой или серебряной чешуе, разбавляя общий оранжево-красный фон.

Наири была готова любоваться на них хоть весь день. Сами рыбки не имели к этому никакого отношения. Просто Анна тянула время, не желая идти на церемонию. Все же обязанности никто не отменял, она и так добилась определенных изменений ритуала. Да еще эта жара... От неё уже не спасал ни зонт, ни опахало...

– Наири, я предлагал переждать самую жару в Храме Снегов, – шепнул Эйр.

От пальцев пахло рыбьим кормом. Анна поморщилась. Едва чаша с шариками опустела, подали другую – с водой, пахнувшей жасмином. Здесь очень быстро выучили предпочтения Наири, и жасмин стал появляться везде. В саду росли тщательно подобранные по сортам кусты, лепестки добавляли в ванну, и даже овощи для обеда резали и укладывали в форме цветка! Про ароматы даже вспоминать не стоило. Духи, масла, благовония... Анна начала опасаться, что рано или поздно возненавидит любимый цветок.

Теперь же недовольство вызвал не запах.

В последнее время Эйр слишком настойчиво советовал покинуть Храм Белых Облаков и переехать на несколько недель в Храм Снегов, что на севере. С одной стороны, Анна понимала, что он прав – жара в столице стояла невыносимая, каменные мостовые разогревались так, что обжигали ноги даже через кожаную подошву. Но оставить больницу было невозможно. Казалось, стоит обделить её вниманием хоть на день, и все труды пойдут прахом. Изнывая от духоты, почти умирая в своих покоях, Анна злилась на себя за эти метания, за свой страх, за паранойю. И срывалась на Эйре.

– Наири? – он вывел её из задумчивости. Повинуясь легкому кивку, процессия двинулась дальше.

Неожиданно духота отступила, словно повеял ветер, прилетевший с заснеженных вершин. Анна огляделась. Полукровка, идущий чуть сзади, слегка склонил голову, пряча улыбку.

Прана. После гибели предыдущей Наири вместе со всем семейством королевство инкубов почти перестало существовать. Анна оказалась для них спасением. Весьма сомнительным, по её мнению, и все-таки... Благодаря ей и Эйру необходимая для деторождения и магии энергия вырабатывалась регулярно, но её не хватало. Маги-полукровки генерировали её сами, правда только для своих собственных нужд. Памятуя о катастрофе, король запретил использовать прану для незначительных дел. Черпать из Источника позволялось военным и тем, кто желал появления ребенка. Поэтому расход энергии на прохладный ветерок даже Анна считала пустым баловством и расточительством. Однако сердиться на мага не могла. В конце кон-

цов, именно от Наири ждали восстановления нужного объема любовной энергии. Для этого она должна была родить. Лучше девочку, которая станет Наследницей. Да и мальчик сейчас казался инкубам желанным – дети Наири и тоже рождали прану, и чем больше становилась её семья, тем сильнее росла мощь страны.

Анна все чаще задумывалась о ребенке. Хотя было одно препятствие.

Думать о неприятном не хотелось. И, отогнав дурные мысли, Анна обратила внимание на Храм. Шествие как раз втянулось в глубокую арку перед ним. Настолько широкую, что в ней даже эхо терялось.

Несколько секунд прозрачного сумрака дали глазам отдых от яркого света. Но блаженство тут же закончилось. Носилки вынырнули из-под арки, и Анна зажмурилась.

Солнечные лучи заливали широкую площадь. На разноцветных плитах распластались люди в ярких одеждах – они ждали появления Воплощенной Лилит. Анна выпрямила спину и положила руки на подлокотники, изобразив живую статую. Полуулыбка приклеилась к губам. Анна немало часов провела перед зеркалом, примеряя загадочное выражение лица, а после и приучая к нему мышцы лица. Теперь она скрывалась за ним, как за маской, раз уж опустить занавески паланкина было невозможно.

Миновав двор, процессия вошла в Храм через высокие стрельчатые двери, ради такого случая распахнутые во всю ширь. Так входить имели право только Король и Наири. Остальным приходилось довольствоваться небольшими дверями справа и слева от главного входа. Вот и теперь свита прошла сквозь них, и рядом с Анной остались только Тайкан и Эйр. Всего двое рорагов, однако стоили они многих.

И только, когда паланкин свернул в галерею и доплыл до внутреннего дворика, Анне позволили выйти.

Хрустальный граненый свод превращал солнечные лучи в драгоценные камни. Они вспыхивали на белых стенах, добавляли яркости фрескам, расцвечивали и без того сверкающую воду маленьких фонтанов. Но зелень кустарников и водяных растений сдерживала буйство красок, давала отдых уставшим глазам.

Анна опустилась на подушки. Фрейлины и рораги застыли поодаль, и только Эйр присел рядом, удобно подставив плечо.

Жрецы, незаметно сопровождающие процессию, тут же появились, чтобы приветствовать Наири. И церемонно поднесли ей угощение: фрукты со льдом и охлажденные напитки. Анна потягивала разбавленный водой вишневым сок и привычно смотрела на сложные фигуры поклонов.

– Неплохая подготовка...

– Что? – тут же склонился к ней Эйр.

– Смотрю на них и понимаю, что это – еще не самое страшное, что ждет меня сегодня.

– Я предлагал! – хмыкнул в ответ рораг.

– Ну уж нет, – отрезала Анна. – Раз дела отложишь, два отложишь, а потом и вовсе ничего не захочется!

– Так может... и ну их, эти дела? – Эйр снизил голос так, чтобы даже стоящие рядом рораги не слышали.

От низкого, чуть вибрирующего баритона у Анны мурашки по коже побежали, она с трудом удержалась, чтобы не впиться в губы, находящиеся совсем рядом, только голову слегка повернуть... Вместо этого она зябко передернула плечами и поправила шарф, закрывающий грудь:

– Тогда и... остальное быстро наскучит. Я за разнообразие!

– Так его как раз немало... в остальном.

Внизу живота стало горячо, и сладкая истома охватила тело. Анна порадовалась, что полулежит, но инкуб за спиной ничуть не помогал прийти в себя! Объятия сжались чуть силь-

нее, ладони скользнули по плечам, сдвигая шарфик, что Анна поправляла с таким тщанием, и теплое дыхание коснулось обнажившейся груди.

Несмотря на жару, по телу прошел озноб. Соски затвердели, захотелось выгнуться навстречу этому мужчине, почувствовать его руки, ноги, губы...

– Нам пора, – Анна едва сумела взять себя в руки и встала.

Эйру хватило мига, чтобы из возлюбленного превратиться в телохранителя. Он поднялся на ноги одновременно с Наири и отступил, пропуская её вперед.

Теперь Анна шла пешком. Открывали процессию жрецы в синих балахонах. Солнечные зайчики, проникая сквозь купол, усеивали их чисто выбритые головы разноцветными бликами. Анна каждый раз едва сдерживалась, чтобы не рассмеяться.

За служителями Храма семенили спиной вперед девушки, едва достигшие возраста вступления в брак. Легкие юбки из шелковых полос крепились на талии широкими поясами и составляли всю их одежду, не считая широких браслетов и ожерелий из золотых и серебряных пластин с вкраплениями синих камней.

Легкие корзинки покачивались на головах, словно лодочки, и лепестки жасмина и роз вырывались из них ароматной метелью.

Справа и слева от Анны, за её плечами, бесшумно двигались телохранители. Эйр – всегда. Тайкана же время от времени заменял кто-нибудь из рогов Внутреннего Круга.

– Ты куда не торопишься?

– Наири? – он даже в Храме не открыл лица.

– Ты же всегда исчезаешь по каким-то важным делам, Тайкан.

– Самое важное для меня в жизни – вы, Наири!

– Лыстец! – хмыкнула Анна.

Сейчас она уже могла позволить себе легкие шутки в сторону этого телохранителя. Его рана если и не затянулась, то уже не кровоточила, истекая жадной смертью. Тайкан научился жить и даже находил в этом приятные стороны.

Сразу за ним шли Хон со своей записной книжкой и Рийта. Она чутко прислушивалась к шагам за своей спиной. Не приведи Небо, хоть одна из фрейлин споткнется или засмеется невпопад! Девушки знали суровый взгляд бывшей старшей королевской фрейлины и изо всех сил старались не нарушить церемонию даже неуместным вздохом. Рийта оставалась спокойной, но наказание всегда находило нерадивую девушку.

Замыкали шествие молодые жрецы и послушники. Их юные голоса обгоняли процессию, а легкие серебряные и медные гонги, которые молодые люди сжимали в руках, наполняли Храм ритмичными звуками. Эхо подхватывало их и превращало в дивную мелодию, так что в главный зал Храма Наири вошла во всем блеске своей славы, и шлейф гимна вился за её плечами.

Ступеньки начинались прямо от входа. Анна поднялась на первую, потом на вторую, стараясь двигаться в такт мелодии. Строй жрецов разделился на две цепочки и обогнул постамент справа и слева. К трону на его вершине Анна поднялась только в сопровождении Эйра.

Резная раковина, предназначенная скорее для того, чтобы в ней лежали, а не сидели. Белый мрамор с серебристыми прожилками приятно охлаждал ладони, а подушки и покрывала из тончайшего хлопка покрывали пружинистую основу. Фрейлины, не смея выпрямиться во весь рост, стояли на коленях. Одна работала опахалом, вторая держала поднос с фруктами и напитками. Рийта же зорко наблюдала за порядком.

Как только пронзительный голос жреца оповестил о явлении Воплощенной Лилит, все, исключая Эйра, ткнулись лбами в пол.

– Как же мне это надоело! – шепнула спутнику Анна.

– Принимай это как должное, – подмигнул Эйр и протянул руку, помогая поудобнее устроиться на подушках. Сам же отступил в тень балдахина, почти скрывшись за его склад-

ками. Анна скосила глаза вправо – там, зеркально повторив движение командира, застыл Тайкан. И когда только успел подойти?

Жрец под аккомпанемент флейты начал восхваление достоинств Наири. Каждый раз, как он делал паузу, раздавался звук большого барабана, и присутствующие дружно кланялись, так что казалось, что это они выбивают лбами звук из пола, украшенного сине-серебряной мозаикой.

Церемония длилась и длилась. Анна, чтобы не заснуть, то грызла орешки в глазури из красного перца, от чего её кидало в жар, то ела мелко перемолотый лед, пропитанный сладким фруктовым сиропом. Помогало мало. И Эйр молчал, не смея отвлечь Наири от столь важного дела.

Но то, что следовало за монотонными песнями жрецов, бесило Анну до боли в животе. Раз в две недели бездетные пары собирались в Храм, дабы вымолить у избранницы Лилит великий дар. И к тому, как они это делали, она так и не смогла привыкнуть.

Когда Анну впервые привели в этот Храм, никто даже не подумал предупредить о происходящем. В результате, когда зал залила музыка, и жаждущие получить милость Лилит скользнули вперед, она едва не сбежала. А уж когда поняла, чего ждут от неё самой... Истерика наполнила зал, напугала посетителей, и жрецы не знали, как успокоить бьющуюся в крепких руках телохранителей Наири. И это заставило их искать компромисс. Раз за разом Анна отметала все варианты, но постепенно менялась и она. Обычаи, обряды, нравы Эстрайи понемногу накладывали свой отпечаток и на женщину из другого мира. Анна уже не спешила уйти с тропинки, если видела в кустах старающиеся уединиться парочки, а их стоны не разжигали пожар на щеках. А когда сама поняла, какое наслаждение дарят влюбленные друг другу, примирилась со многим. Однако полностью принять обычаи Храма Белых Облаков так и не смогла. И ритуал, что проводили сегодня жрецы, так и остался измененным.

Анна привычно откинулась на подушки и прикрыла глаза, ожидая первых звуков музыки.

Где-то под расписным куполом осторожно застонала струна. Смычок ласкал её сладко и нежно, и эхо подхватило тихий вздох.

Анна отпила из оправленного в золото и сапфиры кубка. Чистая вода смочила горло, а ведь раньше ей подавали только вино. И устрицы, и пряные закуски, чтобы взбудоражить кровь. Просьбы сменить традицию жрецы словно не слышали, пока Анна не объявила голодовку. Несколько часов в жару, без питья, дались нелегко. Тайкан с Эйром чуть не разнесли Храм, считая, что жрецы решили сгубить последнюю надежду Эстрайи. То, чего не смогла добиться Наири, сделали два телохранителя.

Теперь на подносе стояла прохладная вода, фрукты, орехи и лед. Рийта провожала глазами каждый кусочек, и едва возникало подозрение, серебряная игла пронзала мягкий плод. Иногда Старшая Фрейлина оказывалась права. Нет, яда не было, но афродизиаки... Их хватало и в еде и в курильницах, что окружали трон.

Струна стонала, струна рыдала от предвкушения... и серебром рассыпались бубенчики, закрепленные на специальных палочках. Каждый подбирал особую, чтобы вместе они издавали гармоничные звуки. И в них вплелись тихие вздохи флейты.

Музыка будоражила. Хотелось куда-то бежать, что-то делать, и тянуло в груди, и смех смешивался со слезами. А по сверкающему мозаикой и серебром полу тихо ступали босые ноги участников ритуала.

Девушки плавно двигались, и когда музыка замолкала, слышался легкий звон браслетов на их лодыжках и запястьях.

Стройные, красивые, они извивались, повинаясь мелодии, склонялись до самой земли или выгибались назад, так что подведенные алой краской соски устремлялись прямо вверх, к маленькому оконцу в потолке, сквозь которое заглядывало солнце. Его лучи застывали световым столбом, словно поддерживающим купол. А еще он был центром танца, и когда то одна,

то другая девушка пробегала сквозь этот водопад, купаясь в струях, точеные ракушки, украшающие пояса, вспыхивали и мерцали теплым перламутром.

Эти широкие пояса и составляли основную одежду танцовщиц. Множество цепочек свисали от талии к коленям, образуя юбку. Они взлетали, колыхались, волновались, то и дело выставляя сокрытое напоказ, и тут же прятали, как ревнивый любовник. Да и движения самих танцовщиц были призваны скорее подчеркнуть сексуальность, чем погасить страсть. И им это удалось – мужчины вступили в зал, ничуть не скрывая желания.

Их одежда отличалась от женской только материалом – бедра обнимал шелк, подхваченный на талии широким ремнем. Браслеты, усыпанные перламутром, блестели на свету, а оплечья сверкали драгоценными камнями.

Из-за этого великолепия главную деталь облачения было заметить не так просто. Тонкий золотой ободок охватывал основание члена, не позволяя ему опуститься раньше времени. Блестящая от смазки головка то ныряла в складки легкой ткани, то появлялась, напоминая качающуюся на волнах птицу.

Повинуясь мелодии, девушки кружились вокруг своих мужчин, изгибались, обвивая их подобно лианам, стараясь то рукой, то бедром провести по крепко стоящей плоти. Иногда они наклонялись, и ярко-красные соски прижимались к розовым головкам, заставляя партнеров вздрагивать. Тихие стоны заглушала музыка, но подернутый пеленой взгляд не позволял ошибиться в чувствах.

Жадные губы встречались в страстных поцелуях. Мужчины подхватывали женщин на руки, кружили, потираясь своими бедрами – об их.

Пары двигались, подчиняясь общему ритму. Каждая следовала только своему, особому рисунку танца. Там инкуб приник к груди любимой, а там суккуб ласкает твердый член языком, словно слизывает капли подтаявшего эскимо... И при этом – ни одного лишнего движения, ничего, что может нарушить гармонию.

Стихла флейта, зарокотали барабаны, рассыпая мелкую дробь ударов. Огонь пробежал вдоль стен, опоясывая зал трепещущим, как юбки инкубов, пламенем. Курильницы вспыхнули и погасли, оставив белесую дымку, пахнущую сандалом. Игра света и тени, разбавленного ароматным туманом, вплелась в общий танец. А пары больше не сдерживались. Барабан громыхал, отбивая ритм, все быстрее и быстрее, тела сплетались в одно целое... Миг, другой, и стоны смешались с прерывистыми вздохами, и общий, слитный крик взвился к куполу, чтобы подняться к небу.

Анна не смотрела на распростертые на полу пары. Её взгляд был прикован к Эйру.

Тот бесстрастно стоял рядом, словно не извивались прямо перед ним нагие, гибкие тела. Оглядывал зал, жрецов, слуг... Цепко, внимательно. Но ни один из взглядов не предназначался Наири. Анна прикусила губу. Всегда он так – раскрывается только наедине, не смешивая любовь и службу. Хотя... Дерзкая мысль мелькнула и пропала. Нельзя! Даже о невинном поцелуе думать сейчас нельзя! Жрецы ухватятся за эту возможность, и осадить их будет очень сложно. Анна вспомнила первые свои дни в этом Храме. Тогда она не понимала, почему этот трон так похож на диван. А предложение заняться любовью прямо тут, на глазах у собравшихся...

Её снова передернуло. И при этом хотелось схватить Эйра, притянуть к себе, впиться в четко очерченные губы, стирая это выражение равнодушия с лица... Он ответит, и страсть захлестнет их. Даже Анна чувствовала желание, растворившееся в воздухе, а уж инкуб! Как они вообще сдерживаются?

Тайкан и Хон стояли, подобно каменным статуям. Даже моргали через раз. Рораги. Надо уводить их отсюда поскорее. Да и дела ждут.

Наири одарила улыбкой запыхавшихся танцоров. Пламя еще не погасло, и их тела блестели от пота и масла. Красивые, молодые тела.

Мысли тут же снова вернулись к Эйру. А ведь он не уступит ни одному из этих мужчин! Приказать сбросить китель, встать рядом... Анна фыркнула и прогнала опасные мысли. У них будет время. Даже, если придется пропустить обед!

Как обычно, мечты разбились о грозную реальность. Едва Анна покинула зал и направилась к носилкам, вперед выступил Хон:

– Наири, приближается время Малой Чайной церемонии.

Анна чуть не застонала. Нет, никто не посмеет упрекнуть Наири, если она решит немного задержаться, особенно для нескольких минут удовольствия, но... В этом странном и жестоком мире Анна давно уяснила: хочешь остаться человеком – держи себя в руках. Только жесткая самодисциплина не позволит превратиться в подобие животного, заикленного только на еду, сексе и развлечениях. И этому правилу она свято следовала на протяжении нескольких лет.

В каждом Храме Эстрайи для Наири отводилось несколько комнат. Иногда убранные с истинным изяществом, иногда – полные кричащей, безвкусной роскоши... Они предназначались для краткого отдыха Воплощения Лилит, и Анна решила не тратить время на возвращение в Белых храм.

– Ванну и обед, – коротко бросила жрецам. Молодой послушник в оранжевой хламиде тут же исчез. Остальные служители, выстроившись в два ряда, сопроводили Наири к её покоям.

Рораги, проверив комнаты, замерли у входа. Только в купальне не осталось ни одного мужчины – Анна сумела отвоевать себе хоть немного стыдливости. Но не одиночества: фрейлины и служанки не оставляли её ни на минуту.

Освеженная, она расположилась на подушках. По знаку Рийты внесли столик и подносы с едой.

– Наири...

– Позови Эйра.

Старшая фрейлина поклонилась. И позволила себе полуулыбку. Анна тут же дополнила приказ:

– Тайкана и Хона тоже ко мне! И добавь для них приборы.

Все трое без разговоров уселись вокруг крохотного столика. Места для их чашек с рисом не хватило, рораги поставили их на пол, у правого колена.

– Устали? – поинтересовалась Анна. – Я – так очень.

Эйр заботливо подставил плечо, но Анна отстранилась – остатки эмоций после танца еще бурлили в крови. И Хона с Тайканом она позвала, чтобы быстрее успокоиться.

– Угощайтесь! Да ешьте вы, ешьте! А, и я спросить хотела: можно как-то отказаться от чаепития? Совсем нет настроения во дворец ехать.

– Прошу прощения, Наири, это невозможно, – Хон отложил палочки и потянулся к папке, с которой не расставался даже ночью. – По правилам вы должны...

– Хорошо, хорошо, – простонала Анна, – только не надо сейчас этих нравоучений. Тайкан, а ты чего не ешь?

Рораг сидел неподвижно, положив руки на колени, как примерный ученик.

– Благодарю, госпожа. Я не голоден.

– Тайкан... – телохранитель тут же поднял взгляд на Наири. – Тайкан, скажи, есть ли на твоём теле хоть один шрам, о котором я не знаю?

Рораг отвернулся. Анна напонила о страшных днях, которые он старательно прятал в самых глубинах сознания. Иногда они возвращались во снах, и сослуживцы будили его, кричащего, мечущегося в холодном поту...

– Простите, Наири.

Анна и взглядом не удостоила уродующий лицо шрам. Она сама зашивала рану, наблюдала, как она затягивается, рубцуется...

– Ешь! – Анна пододвинула Тайкану тарелку с маринованными креветками.

Но как только она сама отложила палочки, рогаги поднялись. Эйр кинул в приоткрытую дверь приказ:

– Носилки Наири.

И занял место рядом.

Рогаги королевского дома выстроились вдоль всего пути Наири от ворот до Дворца. На высоком крыльце ожидал его величество. Слева от него стояла королева, справа – канцлер. Едва Анна поставила ногу на первую ступеньку, все упали ниц:

– Лартих Третий, Старший сын Дома Речных Камней, правитель Эстрайи и Зеленых островов приветствует Наири, Воплощенную Лилит...

Пока Анна поднималась по лестнице, зычный голос придворного перечислял все её титулы, а королевская семья лежала на прогретых солнцем мраморных плитах.

– Поднимитесь! – разрешила Анна и едва выдержала, когда король прикоснулся губами к краю её подола.

Её до сих пор бросало в дрожь при виде Лартиха. Анна помнила тот день, когда он нарушил данное обещание. Она получила удовольствие, но... насилие оставалось насилием, и Анна старалась держаться от правителя подальше. Отчасти встречи с Лартихом и порождали нежелание приходить во дворец, хотя с королевой отношения сложились дружескими.

– Приветствую, госпожа, – дождавшись особого разрешения, Кхемара встала. Король тут же откланялся – Малая церемония чаепития проходила на женской половине и не требовала его присутствия.

Едва Лартих скрылся за резными створками входной двери, Анна почувствовала себя лучше. Правда, вид Кхемары заставила её насторожиться:

– У вас все хорошо?

– Да, госпожа. Во дворце все здоровы. А недавно у его величества родился очередной сын. Позвольте поблагодарить вас за эту милость.

Анна удержала женщину от очередных коленопреклонений. Бедняжка мечтала о ребенке, но судьба оказалась к ней жестока: имея высокое положение в обществе и нежную любовь мужа, она оставалась бездетной. И эта благодарность за очередное прибавление в семействе... Анна представляла, чего она стоит бедной Кхемаре.

– Давайте оставим это до очередной церемонии в день Признания. А пока... я очень хочу пить. Чай из дерева Нуи – я так мечтала о нем в последние несколько дней. А без вашего присутствия...

Здесь, в Эстрайе, Анна научилась если не врать, то лукавить. Правда, сейчас она совершенно не испытывала стыда за свои слова: королеве нужна была поддержка. Особенно сейчас. Ведь стоит Наири переступить порог королевского гарема, и...

О том, что её ждет, Анна думала с содроганием.

Рогаги короля распахнули ворота. Мастер сплел золотые прутья в кружево, и они напоминали больше невесомую паутинку. От нескромных взоров Внутренний сад защищала бамбуковая роща. Сразу за ней, на посыпанной белым и терракотовым песком дорожках Наири встречали обитатели гарема.

Анна почувствовала напряжение Кхемары – среди обитателей Внутреннего Двора было немало детей, и их матери не стеснялись гордо улыбаться в лицо королеве. И все же она не склонила головы, оглядела собравшихся с гордым спокойствием:

– Приветствуйте Воплощенную Лилит, главу Дома, Надежду Эстрайи...

Она долго перечисляла титулы, а Анна смотрела, как медленно, стараясь не утратить грациозности, женщины и дети опускаются на колени и утыкаются лбами в землю. Осторожно, чтобы не испортить ни макияж, ни прическу, ни одежду. Манерность движений заставила

поморщиться – Кхемара быстро поняла, что Наири любит простоту и тут же оставила лишние кривлянья, которые в этом месте считались признаками хорошего тона.

Сидя на почетном месте в павильоне на берегу пруда, Анна тихо зверела. Манерные жесты, нескончаемые поклоны, витиеватые фразы... Чтобы добраться до смысла, приходилось продираться сквозь паутину украшательства и иносказаний... И только Кхемара оставалась простой, не обращая внимания на презрительные взгляды остальных жен, – к Церемонии допустили только тех, кто родил Королю сына.

Несколько часов показались вечностью. Но вот чай был выпит, и приглашенные, отвесив положенные поклоны, удалились. В павильоне вместе с Анной осталась только королева.

– Устали?

Она не спрашивала, утверждала. Анна сумела только слабо улыбнуться:

– Ничего. Спасибо за чай.

– Подождите! – Королева порывисто ухватила Анну за руку и тут же отпрянула, словно испугавшись. – Простите.

Анна молча уселась обратно на подушки. Похоже, Кхемара хотела что-то рассказать, а как начать разговор – не знала.

Тишину нарушал лишь плеск воды, когда разноцветные рыбки подплывали к поверхности узнать, почему им не кидают еду, да треск цикад. Королева несколько минут сидела, решая, что делать, а потом подвинула к себе поднос с шариками дерева Нуи:

– Наири не против еще одной церемонии?

Теперь, без галдящего цветника, Анна могла расслабиться:

– Не против.

– Наири была сегодня в Храме Белых Облаков? – поинтересовалась Королева, разливая чай.

– Да.

Продолжать тему не хотелось, но Кхемара словно не поняла:

– И все же вы решили наказать этих несчастных...

Тяжелый вздох показал, что беспокоилась Королева вовсе не о бесплодных парах. Её угнетало что-то другое. И Анна понимала, о чем она говорила. Подразумевалось, что страсть танцующих вызовет в Наири жажду соития, и она выберет если не одного из мужчин, то кого-то из сопровождающих, и прана щедрым потоком польется на склоненные головы... Что ответить, Анна не знала. Менять себя, ломать, переделывать под местные нравы полностью она не желала.

И Кхемара замолчала, так и не рассказав, почему задержала Наири.

За пределами королевского сада солнце продолжало выжигать все живое. В этот час прохожих на улицах почти не осталось, а торговцы нехотя выходили из-под навесов, чтобы отдать Наири положенные поклоны. Сама она едва смотрела по сторонам: от духоты не спасал ни зонт, ни опахало. Глядя на неё, Эйр и Тайкан подгоняли носильщиков, заставляя их перейти на бег.

– Перестаньте, – попросила Анна. – Им и так нелегко.

– Госпожа, вам нехорошо. Нужно как можно скорее вернуться в Храм Белых Облаков. Быстрее!

Анна смотрела на покрытые потом спины. Тяжелое дыхание инкубов заглушала музыка, да и служанки едва успевали за носилками.

– Я сказала – хватит! Эйр, если ты не прекратишь, я пойду пешком! Тайкан, тебя это тоже касается!

Оба тут же замолчали.

Храм встретил прохладой. Даже плиты двора казались покрытыми инеем. Анна недовольно огляделась:

– Магам что, больше заняться нечем?

– Вы устали, госпожа, – осмелился подойти ближе инициатор освежающего колдовства. – Жара действует на вас не самым лучшим образом.

– Хочешь сказать, я становлюсь страшной и тупой? – хмыкнула Анна.

Маг тут же повалился носом в те самые плиты, из-за которых и возник спор. Анна улыбнулась и прошла мимо.

Холодный душ принес облегчение. Шелк подушек сулил отдых. Анна растянулась на возвышении в спальне, ловя напоенный ароматом сада сквозняк.

– Не простынешь? – Эйр опустился рядом.

Анна лениво приоткрыла глаза:

– У тебя дел нет?

– Наири – самое важное мое дело...

Его поцелуй пах ветром. Анна нехотя отстранилась:

– Я устала. А мне еще в больницу.

Эйр не стал спорить. Придвинул поближе к Анне чашку с размолотым льдом, политым манговым сиропом, и вышел. Анна откинулась на подушки не зная, благодарна ли она ему или разочарована: с того момента, как рораг принес клятву верности, он никогда не спорил. Ну, почти никогда. И вот в такие моменты полного послушания хотелось запустить в него чем-то тяжелым.

Вернулся рораг только через полчаса, когда принесли обед, – Наири привыкла делить трапезу с ним, а значит, не явиться было невозможно. Это взбесило Анну еще больше:

– Я хочу побыть одна!

Придворные дамы, накрыв на стол, тихо удалились. Рораги тоже не стали задерживаться. И только Эйр замялся возле двери. Анна ждала, прикрыв глаза. Но и он вышел, только зазвенели цепочки золотой занавески, когда он рукой отвел их с дороги.

Есть сразу расхотелось. Анна отодвинула столик и уткнулась в подушку. Слезы сами брызнули из глаз, как она ни сдерживалась. Однако с губ не сорвалось ни звука: если там, за ажурной дверью, заподозрят, что Наири расстроена... о последствиях думать не хотелось. Перед глазами всплыли бурые столбы под палящим солнцем пустыни. С такого она сняла Тайкана. На такой отправится её прислуга, если не угодит... И рораги тоже. Все до одного. И даже те парни из гарема.

При воспоминании о мужчинах, запертых в роскошных покоях в самом сердце Белого Храма, слезы высохли сами собой. О наложниках заботились, поили-кормили, холили, лелеяли... А сами они жили одной мыслью: мечтой о визите Наири. А она... Анна попыталась вспомнить, когда она в последний раз проходила в глухие ворота гарема. Получалось, больше года назад. А может... раз уж Эйр вел себя как самый послушный в мире рораг...

– Бред! – одернула Анна саму себя. – Он просто выполняет мои желания. А ты, милая, – зеркало отразило чуть припухшие от слез глаза, – совсем обнаглела! Гарем тебе подавай! С одним мужиком разберись сначала. И возьми себя в руки! Сама придумала, сама обиделась, цаца такая. Марш обедать – и за работу!

Ела в одиночестве, приходя в себя. Анна понимала откуда эта вспышка капризов – танец в Храме Белых Облаков не оставил её равнодушной, а разрядки не последовало. Так что сама виновата! Эйр прямо там был готов...

Отгнав непристойные мысли, Анна поднялась с подушек:

– Одеваться! Я еду в больницу!

Фрейлины засуетились.

Для визитов в больницу, свое детище, свою страсть и увлечение, позволяющее не забыть, что она все же человек, Анне удалось отвоевать наряд, не похожий на одежды куртизанки.

Белое платье, напоминающее столу, опоясали золотым поясом. Каждую пластину украшал большой сапфир в окружении мелких бриллиантов, так что даже при едва заметном движении вся эта роскошь начинала сверкать и переливаться, ловя малейшие лучи света.

На плечах наряд закрепили такими же фибулами, а вот тяжелый головной убор из золотой проволоки Анна надевать отказалась. Фрейлины не посмели спорить и перевели отросшие пряди волос золотой канителью, добавив у висков подвески. Тонкие цепочки звенели при наклоне головы, но Анна уже научилась не обращать на такие звуки внимания, хотя дома...

При воспоминании о доме сжалось сердце. Анна тут же отогнала горькие мысли: с тем, что она никогда не вернется в свой мир, в свою небольшую, уютную квартирку, она смирилась. Тем более что здесь был Эйр. Ради него она готова была оставаться в Эстрайе, терпеть бесконечные церемонии и даже...

– Госпожа, паланкин ждет...

Тот, о ком она только что думала, появился на пороге.

Тихая музыка долетала в распахнутые окна. Приглушенные вздохи – обитатели Храма Белых Облаков не оставляли надежду навеки заключить Наири в спальне. И, глядя на своего мужчину, Анна вдруг решила, что она не против такой жизни. Один её жест, вздох, взгляд – и остаток дня, ночь, следующий день этот рораг проведет в её постели. Они будут любить друг друга до сладкой истомы, до изнеможения, когда даже просто открыть глаза – пытка... А потом, чуть отдохнув, продолжат ласкать друг друга.

В газах Эйра плескалась страсть. Он прочитал мысли своей Наири и ждал только знака...

– Хорошо, едем! – ей снова удалось взять эмоции под контроль, не поддаваться чувствам.

Скороход уже предупредил управляющего о том, что сегодня Наири все же почтит своим визитом лечебницу. Хотя её и ждали каждый день – Анна делала все, чтобы не пропускать рабочие дни. Но и здесь её подстерегали нелегкие моменты.

Любители церемоний, инкубы ритуализировали все мало-мальски значимые события. А уж такое, как приезд Наири...

Управляющий вместе со старшим персоналом встречал её у ворот. Они не боялись испачкать белые одежды коленопреклонениями – каменная мостовая специально подметалась и мылась к значимому моменту.

Внутри тоже все блистало чистотой: Наири уделяла порядку очень много внимания, и её очень боялись прогневать.

Получив положенную порцию восхвалений, Анна сошла с носилок. Ей оставалось выдерживать приветствия больных. Для этого даже возвели особый павильон и держали в штате жреца.

К счастью, все ограничивалось воззваниями к Лилит и воскурениями благовоний. Но в такую жару даже в открытом павильоне от них становилось трудно дышать, и Анна с удовольствием удалилась в свой кабинет. Ей тут же подали охлажденную воду с соком лимона и оставили на несколько минут одну. Ну, почти одну – Эйр и Хон считались тенями Наири, на них и внимания не обращали.

Анна перевела дух.

На столе аккуратными стопками лежали папки с документами. Хон тут же кинулся проверять их.

– Подожди, – остановила юношу Анна. – Успеешь. Ну, готовы? Зови!

Анна ввела что-то вроде «пятиминутки» – экспресс-собрание, на котором коротко обсуждались проблемы лечебницы. После него все расходились по рабочим местам, в кабинете оставался только управляющий и целители. Маги старались держаться немного в стороне от остальных инкубов, считая себя выше на две головы.

Для такого самомнения у них были веские причины: теперь, когда праны стало больше, они могли не экономить свои запасы, и выздоровление шло быстрее.

И все же Анна по-прежнему делала упор на простые средства: отвары, примочки, порошки и таблетки. К её удивлению, фармакология начала развиваться просто бешеными темпами, стоило только сказать о своем желании.

Маги и целители изучили опыт людей, для чего даже отправили в мир Анны нарочного. Тот принес немало научных книг и учебников по фармакологии. И по химии, так как Анна намекнула, что одно без другого существовать не может.

Много пришлось адаптировать: на местных обитателей некоторые препараты действовали необычно или вообще не действовали. Иногда простые отвары оказывались куда эффективнее «научного» лечения. И Анна создала при лечебнице лабораторию. Сама она не была исследователем, только врачом, а вот среди магов и целителей нашлось немало талантов. Инкубы проводили в кабинетах дни и ночи, смешивая, выделяя, отфильтровывая, напитывая магией... Результаты Анна видела на обязательных обходах: больные исцелялись с невероятной скоростью.

– Наири, позвольте показать вам...

Маг поднес Анне фарфоровую пластинку. На ней аккуратной кучкой лежал бежевый порошок. Мелкий, как тончайшая пудра.

– Этот препарат выделили из яда пустынной змейки и сока плодов картиса. Если смешать его с маслом, он окажет невероятный эффект на больные суставы. Прошу, Наири!

Анна протянула руку, чтобы коснуться порошка пальцами, почувствовать его консистенцию, понять структуру...

– А этот перламутровый оттенок лекарству придал сок или яд? – Эйр перехватил ладонь Наири. – А может, перетертая чешуя акристы?

Маг вздрогнул. А рораг продолжал настаивать:

– Попробуй сначала сам. Ну?

Белая пластинка выскользнула из рук. Осколки рассыпались по полу, смешавшись с порошком.

Анна молча смотрела то на Эйра – он явно злился, то на мага... А потом обвела взглядом остальных.

Бледность. Неестественная, страшная, смертельная.

– Что это такое – акриста?

– Рыба, – рораг даже не повернулся. – Вкусная, а вот её кровь очень ядовита. Если она попадет в ранку, человек умрет через пару минут. Инкуб или суккуб продержится дольше. Правда, не намного. Ну, – он продолжил допрос, – может, ответишь?

Хон мягко высвободил руку Наири из пальцев Эйра и отвел госпожу в сторону:

– Вам следует удалиться. Оставьте это...

– Ну уж нет! – Анна давно научилась настаивать на своем. – Я увижу и услышу все. А ты Расскажи поподробнее об этой рыбке.

– Да что рассказывать... Перед тем, как акристу подают на стол, её долго вымачивают в разных растворах, чтобы ни капли крови не осталось. Если не получится, съевший угощение долго не проживет.

– Меня же ей не кормили? Или...

– Скорее всего, госпожа, – вмешался Тайкан, – чешую не отмыли как следует. А она острая. Потрогаете порошок – обязательно порезы будут. Мелкие, сразу и не заметишь. Однако для яда их достаточно.

– А с чего вы решили, что он там вообще есть? И эта чешуя...

– Отблеск, Наири. Простите, я заслуживаю наказания, ибо тоже заметил его, но не придавал значения. Такой блеск придает только перемолотая чешуя акристы, его трудно спутать с чем-то еще.

Маг трясся всем телом. Затравленный взгляд метался по лицам окружающих. И Анна разозлилась:

– Да с чего вы вообще решили, что он...

В этот момент маг кинулся вперед, сгреб с пола щепотку порошка и засунул в рот. Эйр тут же сжал его челюсть рукой, не позволяя сомкнуть губы. Тогда маг языком растер яд по небу.

– Воды! Немедленно!

Рораги пытались промыть самоубийце рот, к сожалению, безуспешно – через несколько минут у их ног подрагивало в агонии тело того, кто был целителем Королевской лечебницы.

– Наири, госпожа, вы возвращаетесь в Храм Белых Облаков.

Весь вид Эйра говорил о том, что возражений он не потерпит, хотя Анна и не думала спорить. Голова кружилась, в желудке словно поселилось что-то скользкое и крутилось там, стараясь угнестись. Она едва сдерживала тошноту.

Такой паники Анна давно не испытывала, с того самого момента, как оказалась в пустыне после побега от саритов. Её не пугал ни труп, ни яд, ни суровые лица рорагов... Скорее, она чувствовала себя незащищенной: удар нанесли здесь, в сердце её любимого детища, больницы. Там, где она всегда считала себя в полной безопасности.

Занавески паланкина опустились. Служанки у ног притихли, но Анне казалось, что со всех сторон к ней подступают убийцы. Она хотела, чтобы Эйр был тут, рядом, а инкуб гарцевал на своей Пустельге вдоль процессии, словно ничего и не случилось.

– Позовите его!

Служанка соскользнула на землю и кинулась к рорагу. Эйр мгновенно повернул лошадь и оказался рядом с паланкином.

– Поднимись ко мне! Сейчас... Ты мне нужен!

Анне было все равно, пусть занавески полупрозрачны и все видят, что происходит внутри. Она хотела, чтобы кто-то сильный обнял, заслони, заставил забыть о случившемся, успокоил...

– Наири, вы можете потерпеть? Никто не должен знать о покушении!

Его слова заглушались боем барабанов, и Анна не могла поверить: её рораг, её Эйр, который клялся в верности и любви... отказался помочь! На память пришли самые первые дни в Эстрайе. Да и то, что им предшествовало: тогда он тоже поступал, как считал нужным, только прикрываясь своим служением.

Анна едва не заплакала: в итоге, для Эйра она оказалась всего лишь способом спасти Эстрайю. Да, он готов был на все, терпеть рядом человека, притворяться влюбленным, а на деле...

Но едва процессия втянулась в ворота Храма, как Эйр перескочил на носилки прямо с лошади и подхватил Анну на руки. Она попыталась вырваться, он же только крепче обнимал. А потом бегом кинулся по широким ступенькам, прижимая к себе Наири, как величайшую драгоценность.

Выпустил он её только в спальне. Усадил на подушки, присел рядом, заглядывая в глаза снизу вверх:

– Позвать служанок?

Анна покачала головой. Она куталась в шаль, несмотря на жару её знобило.

– Я все-таки позову... И лекаря!

– Поцелуй меня...

Тихий, едва слышный вздох заставил вскочившего Эйра замереть. Он медленно наклонился и осторожно, словно снимал росу с бутона цветка, прикоснулся к губам Анны.

Её не устроили эти ласки. Боль, ужас, отчаяние... она хотела заглушить их привкус и с жадностью впиалась в Эйра ответным поцелуем. Она посасывала, кусала, сминала его губы, и он отвечал тем же. А потом...

Анна не помнила, как оказалась лежащей на спине. Эйр, уловив настроение своей Наири, не стал тратить время на долгие ласки или раздевание. Он только скинул мундир, чтобы не причинить боль жестким шитьем... и вошел в неё жестко, почти грубо.

Анна задохнулась от тяжести его тела. Но радовалась ей – она заставляла забыть о том, что произошло в лечебнице, сосредоточиться на настоящем... Как и руки, обхватившие ягодицы. Мелькнула мысль, что останутся синяки, так крепко сжимались пальцы, и тут же пропала: мерные, сильные толчки заставили забыть обо всем.

Казалось, ему тесно внутри, но, несмотря на кажущую грубость, боли Эйр не причинил. Только наслаждение от каждого движения, когда его член то входил целиком, то ласкал только кончиком. Головка массировала вульву, половые губы, касалась клитора... и снова ныряла вглубь, резко, быстро... И с каждым движением нарастало блаженство.

Оргазм пришел плавно, словно приливная волна. Накрыл, закрутил, заставляя терять голову... и отступил.

Анна лежала на спине, не в силах открыть глаза, а Эйр навис сверху, покрывая поцелуями лоб, щеки, губы... А его руки осторожно расстегивали пряжки одежды, чтобы освободить Наири от смятой одежды.

Вскоре она лежала перед ним, нагая, открытая взгляду, желанная... И такая сонная! Напряжение уступило место дикой усталости, и Анна заснула, едва схлынул оргазм. Но и во сне она не могла успокоиться. Застонала, свернулась клубочком, словно защищаясь от чего-то страшного... Эйр придвинулся ближе, прижал её к себе и почувствовал, как сильно желание Наири. Его собственное тело тут же отозвалось, и он погрузился в мягкое блаженство, легко, осторожно лаская упругую грудь, щекоча языком шею... и двигался в ритме её сна.

Она чувствовала каждое движение. Мягкое скольжение доставляло тихое наслаждение, и хотелось, чтобы оно не кончалось как можно дольше.

– Не уходи... – простонала во сне.

И получила тихий выдох в ответ:

– Не уйду.

Он не остановился, даже когда она вздрогнула от удовольствия. Только крепче прижал к себе и продолжал двигаться, возбуждая снова и снова. Он запретил себе все чувства, кроме нежности, и оставил все желания, кроме одного: заставить Наири забыть о пережитом ужасе.

И не выдержал: оргазм скрутил с такой силой, что Эйр едва не потерял сознание. Они пришли к пику одновременно, но Анна... даже не проснулась. Эйр улыбнулся: именно этого он и добивался. Сладкого сна младенца.

Он пролежал так, любуясь Анной, несколько часов. И поймал её первую улыбку.

– Выспалась?

Она что-то промурчала в ответ и сладко потянулась. Эйру тут же захотелось продолжения, однако Анна просто повернулась на бок, лицом к нему и прошептала:

– Ты не представляешь, насколько я зла!

– Я сделал что-то не так? – насторожился рорак.

– Не ты. Мой первый муж. Как подумаю, чего он меня лишил... Любовь – это целый мир. А он отнял его у меня, заставил жить в серой мари...

– Хочешь наказать его? Одно твое слово, – Эйр потянулся и поцеловал ладонь Анны, – одно слово, намек... и я притащу этого подонка к твоим ногам. Здесь, в Эстрайе, ты сможешь сделать с ним все, что захочешь.

– Ммм? – Анна задумалась. Всего на мгновение. А потом помотала головой, отчего копна её волос рассыпалась по подушке. – Не надо. Не вижу смысла в мести. Пусть и дальше живет в своих бредовых фантазиях. Это круче любого наказания.

– Как скажешь...

Анна поймала выжидательный взгляд Эйра и легонько толкнула его в плечо:

– Вставай, лежебока. Дел полно!

– Вот всегда ты дела находишь. Нет бы жить, как добропорядочная Наири... в постели.

– Верховный Рораг Наири, – в голосе Анны зазвучала сталь, но глаза улыбались, – кажется, вы забываетесь.

– Нижайше прошу прощения! – Эйр попытался поклониться. Он как раз натягивал штаны и с трудом удержался на ногах. Анна расхохоталась, упав обратно на подушки.

– Иди уж, телохранитель...

Подхватив мундир, Эйр выскользнул из комнаты, чуть не столкнувшись в дверях с Рийтой и её армией фрейлин.

Хона с ними не было. Анна перевела дух: из задорного мальчишки он превратился в педантичного секретаря. А работать сейчас совершенно не хотелось – она проспала остаток дня и часть вечера, на улице уже сгущались сумерки и настроение... Настроение менялось с бешеной скоростью. Стоило вспомнить о покушении, как накатывало отчаяние, но страсть Эйра смывала печаль.

– Я буду ужинать в саду!

Есть хотелось невероятно! Открытый павильон на берегу пруда, утопающий в зелени и цветах, навевал лирическое настроение. Анна огляделась: фрейлины, музыканты и рораги.

– Где Эйр? – поинтересовалась она у Рийты.

– Я немедленно отправлю за ним...

– Не надо, – остановила Анна. – Я хочу побыть одна. В тишине. Оставьте меня.

Свита исчезла. Только Старшая Фрейлина помедлила, не решаясь оставить Наири в полном одиночестве.

– Ступай, – Анна больше не тратила время на уговоры. Иногда приказать было и быстрее, и действеннее.

Солнце уже скрылось, и сад освещали только желтые фонарики, расставленные тут и там. На воде пруда качались светильники. Их огоньки отражались в воде, и казалось, весь мир наполнен мистическим светом. Сверчкам он не мешал.

Анна прикрыла глаза, вслушиваясь в их дружный стрекот.

Он перенес её в прошлое, в тот день, когда...

Медовый месяц еще не закончился. Турбаза, затерянная в еловом лесу, как нельзя лучше подходила для уединения молодой пары.

В тот вечер Анну тошнило – молоко, купленное по дороге в деревне, оказалось слишком жирным. Хотелось забиться в уголок кровати и просто лежать.

Но муж потребовал ужина.

Он наотрез отказался есть в общей столовой. Требовал, чтобы еду готовила молодая жена и каждый раз – свежее. Остатки от приготовленного с утра обеда его не устраивали даже в такой ситуации.

– Ну, поджарь себе яичницу! Или омлет! – у Анны и говорить-то сил не оставалось.

– Еще чего! Это обязанность жены – готовить!

Он выволок её из кровати и толкнул в сторону «кухни» – огороженного барной стойкой закутка.

Борясь с тошнотой, едва держась на ногах, глотая слезы, Анна жарила яичницу с сосисками. А в открытые окна доносился стрекот вездесущих сверчков.

– Наири? Наири? Да позовите Эйра! – испуганный голос вернул Анну в реальность. Тайкан сидел на коленях у входа в павильон, не смея нарушить приказа и войти. – Госпожа, что случилось?

– Ничего, – Анна вытерла слезы. – Просто воспоминания. Хочешь? – она указала на узкогорлый кувшин с местным вином.

Тайкан не посмел отказаться. Но наливая сначала Наири, а потом и себе, не отводил тревожного взгляда от её лица.

– Госпожа, может...

– Все хорошо, – Анна залпом осушила крохотную, с наперсток чашечку и отставила в сторону. – Все будет хорошо! Ты пей давай!

Сама она больше не притронулась к спиртному, зато ела за двоих. Рийта, наблюдающая издали, несколько раз давала служанкам знак принести еще еды.

Тайкан не знал, что делать. Его Наири тревожилась, а он не мог понять, что разрывает ей душу и как помочь...

Не знал этого и подоспевший Эйр. Анна молчала, а прикоснуться к ней без разрешения не смел даже он.

– Громко. Как же громко они поют! – поежилась Наири.

– Сверчки? – понял Тайкан. – Я позову мага, он их...

– Не надо, – Анна поднялась на ноги. – Давайте пройдемся. И вы расскажете мне, что произошло в лечебнице.

– Это дело расследует его величество лично, – попытался уйти от ответа Эйр. Тайкан только кивал в знак согласия.

Анна усмехнулась. Почему-то она никак не могла успокоиться и поэтому злилась. Хотя и понимала, что стоящие перед ней мужчины ни в чем не виноваты. И все же...

– Хон!

Анна не ошиблась. Адъютант тут же оказался рядом, прижимая к себе левым локтем неизменную папку.

Эйр выругался. Тайкан едва сдержал досадливую гримасу – неужели Наири собралась работать?

– Что ты узнал про покушение?

– Подозревают саритов, госпожа.

Эйр промолчал. Несмотря на выводы охранного ведомства, сам он в это не верил – слишком много оказалось задействовано инкубов. Только Наири лучше об этом не знать. Её душевное спокойствие куда важнее маленькой лжи.

А сверчки не умолкали. Ни на берегу многочисленных прудов, ни в цветочных зарослях... Тропинка привела Анну и сопровождающих её инкубов в сад. Цветы жасмина белели в темноте, ночная фиалка источала сладковатый аромат.

– Не тревожьтесь, Наири, – Эйр привлек её к себе. В кольце крепких рук было тепло и уютно, и все же что-то не давало покоя, червячок не сомнения, нет, не сомнения – тревоги грыз изнутри. И, вторя ему, в воздухе закружилась светящаяся точка.

Анна вздрогнула – слишком ярко вспомнилась мандала, сквозь которую они прорывались с Пайлином... и через которую за ними пробились сариты. Эйр почувствовал движение и развернулся, заслоняя Наири от возможной опасности собственным телом. Но вокруг не было никого чужого...

– Наири? Анна? Что-то случилось?

– Нет. Я просто замерзла. Давай вернемся.

Она почти не лгала. Переживания вернулись ознобом, который не отступал даже в душную ночь. Её Анна провела в объятиях любимого. Эйр даже не прикоснулся к ней, чувствуя,

что Наири не желает плотских утех. Она хотела только его присутствия. И спать, положив голову ему на грудь.

Утром Анну ждала неприятная новость: ехать в лечебницу ей запретили.

– Наири лучше не покидать Храм какое-то время.

– Но...

– Наири...

Эйр говорил спокойно, без раздражения, как с капризным, но очень любимым ребенком... И Анна вернулась в прошлое. Тогда, в её квартире, да и потом, в первые дни пребывания в Эстрайе, у него было точно такое же выражение лица. И то, что вчера он предпочел не подойти к ней на улице, а скакать в голове колонны...

– Я. Еду. В лечебницу.

– Нельзя! Наири, вам...

Слишком официально. От тех ласковых слов, что он шептал ночью, не осталось следа – Эйр всегда очень четко разделял рабочее и лично. Почему-то именно сейчас это полоснуло по сердцу.

– Ты специально, да?

– Простите, Наири. Я не понимаю. В чем моя вина? Если я заслужил наказание...

Обида поднялась с самого дна души, всколыхнув муть прошедшего и, кажется, давным-давно канувшего в небытие.

– «Все к удовольствию Наири». Это твои слова? Разве не их ты повторяешь снова и снова?

– Да, но вам сейчас нельзя покидать Храм!

– Нельзя? И кто же мне запретит? Кто из вас? – она повысила голос, оглядывая окружающих.

Звон разбитого стекла, лязг металла по мраморному полу – на ногах не остался ни один. Даже рораги упали на колено. И только Эйр опустил медленно, не сводя взгляда со своей Наири.

– Это опасно!

– А вы тогда зачем? Я желаю ехать в лечебницу!

И Эйр сдался.

– Носилки Наири!

Но удовольствия от одержанной победы Анна не получила.

Вместо покрытого легким шелком паланкина ей подали глухой ящик, пусть и оббитый изнутри мягким войлоком и пуховиками. Окна в его стенках закрыли специальными задвижками, и воздух попадал только сквозь узкие щели, прорезанные в самом верху, ближе к углам – так уменьшалась опасность попадания дротика.

Снаружи и внутри ящик покрывали затейливые рисунки-обереги – защита от магического удара. А места носильщиков заняли рораги довольно высоких рангов. И это не считая тех, кто участвовал в самой процессии – у Анны сложилось впечатление, что Эйр вызвал для этого всех телохранителей Эстрайи.

Сам он шел справа от носилок, Анна слышала его шаги, их она узнавала из многих и многих. Слева занял свое место Тайкан. Напротив Наири, прямо в носилках расположились Рийта и одна из фрейлин. Анну не обманывал их смиренный вид – она уже видела, в каких чудовищ могут обращаться эти миловидные девушки.

В лечебнице царила тишина. Больные сидели в палатах и не смели даже выглянуть в окна. Анна прошла по гулким коридорам и повернулась к своему телохранителю:

– Что это значит?

– Мы не знаем, кто из них окажется убийцей. Наири, вы должны...

– Должна? Опять – должна?

Мысль о том, что она снова окажется в золотой клетке, лишённая смысла жизни, пугала. Анна понимала – Эйр старается ради неё, пытается оградить, но воспоминания ещё не развеялись и пугали повторением того ужаса... И Анна взбунтовалась.

Эйр не посмел перечить. Только не отходил ни на шаг, готовый действовать в любое мгновение. Тайкан тоже держался поблизости. Работать в таких условиях оказалось невозможным, и Анна вернулась в Храм.

Эйр больше не спорил, точно выполняя приказы Анны. Зато окружил её такой охраной, таким количеством телохранителей, что ей выть хотелось.

И только вечером они оставались одни. Ужинали, купались... и Анна засыпала, едва дойдя до кровати. Вскоре Эйр не на шутку встревожился:

– Ты так напряжена? Прости, охрану я снять не могу!

Его волнение передалось и Анне:

– Я сама не понимаю. Бездельничаю целый день, сплю до обеда... а устаю так, словно мешки ворочала.

Он не понял этого выражения, но уже утром к Анне явились целители. Эйр ревниво наблюдал, как они суетятся вокруг лежащей на подушках Наири, напрягался, когда они использовали магию, и чуть не взвыл, услышав приговор.

Целители оказались единомышленники. Выстроившись на коленях перед Наири, они уткнулись лбами в пол, а потом старший взвыл:

– Лилит осенила Эстрайю великой милостью! Наири благословила наш народ!

Анна удивленно смотрела на это представление. На то, как бледнеет Эйр, на то, как Тайкан опускается на колени в изножье кровати... На уткнувшихся лбами в пол фрейлин, на сияющую Рийту... И переспросила:

– Что?

– Благодарим Наири за величайшую радость! Да благословит Небо дитя, что носит она под сердцем!

Празднования по поводу беременности Наири длились три дня. Королевская семья не скупилась на угощения, маги черпали прану, не раздумывая, и темное небо по полночи расцвечивали фантастические фейерверки. С Анной обращались, как с хрустальной вазой. Даже ходить запретили самостоятельно: две фрейлины постоянно поддерживали под локти, чтобы не оступилась, не упала... На все протесты они только кланялись и продолжали делать по-своему.

Появились странные желания. Хотелось то пожевать мела, то клубнику со взбитыми сливками. А как-то Анна проснулась и поняла: если сейчас же не съест пельменей, тех, что продавались в магазине возле её дома – умрет. Понимая невозможность этой мечты, она смогла только застонать.

Эффект от тихого звука превзошел все ожидания. Эйр, ночующий тут же, подскочил. В его руке замерцал фиолетовым переливом нож, который рораг держал под подушкой. В тусклом свете магического элемента, который оставляли на ночь, голый, напряженный рораг представлял феерическое зрелище. Анна не смогла сдержать смех... и желание.

Однако вместо того, чтобы удовлетворить свою Наири, телохранитель пристал с вопросами. Опасности он не нашел, но у Анны явно что-то болит! Нужно немедленно вызвать целителей! Услышав же, что послужило причиной, оделся и вышел. Ему на смену тут же явился Тайкан. Присел на пол у кровати и поинтересовался:

– Очень плохо?

– Ты даже не представляешь! – только и сумела выдать Анна.

Не прошло и часа, как комнату наполнил умопомрачительный запах. На пороге стоял Эйр. В его руках исходила ароматным паром миска, полная пельменей.

– Откуда? – Анна выхватила лакомство и поразилась: пельмени на самом деле доставили из её родного мира. И, казалось, ничего вкуснее она еще не ела.

Последующая жизнь превратилась в борьбу с токсикозом. Целители и маги готовили лекарства, варили зелья и все же помочь были не в силах. Больше всего Анну донимал запах шелка. Она чувала его на расстоянии, словно обоняние резко обострилось. При этом других запахов почти не чувствовала.

Смена обстановки немного отвлекла от тягот беременности. Весь шелк в покоях Наири сменили на тонкий хлопок и мягкий лен, служанок и фрейлин переодели. И запретили визитерам использовать драгоценную ткань как для нарядов, так и для подарков.

Несмотря на заботы окружающих, к концу второго месяца Анна поняла – она сойдет с ума. Не столько из-за токсикоза или повышенной заботы, сколько из-за Эйра.

Он остался таким же заботливым, но словно отстранился. Как будто они поссорились и все не могут помириться. Эйр все так же проводил ночи с Анной, только его руки уже не источали то невероятное тепло, что заставляло терять голову, кидаться в любовь с головой, как в омут...

– Я тебя обидела? Чем? Объясни, но не наказывай так жестоко!

– Как вы можете обидеть, Наири, – а в голосе звучала печаль.

– Ну, прости, прости... – Анна обхватила его голову руками, приподнялась на цыпочки и заглянула в глаза. – Прости меня.

– Наири... – он осторожно отстранился. – Вам не за что просить прощения. А если я вас обидел... Я молю о наказании!

Анна молча смотрела на распростертого у её ног рорага. А потом выскочила из комнаты, глотая слезы.

Фрейлины суетились, что-то щебетали, успокаивая. Анна их не замечала. Она не могла понять, почему её беременность оттолкнула любимого. Он ведь сам настаивал на ребенке! Мысли вертелись, как карусель, повторяясь снова и снова. Анна испугалась, что сходит с ума, но тут явился придворный маг-целитель.

– Да благословит Воплощенная Лилит Эстрайю! Да...

Она не слушала привычных славословий. Понимание пришло внезапно, подкинув старое воспоминание: она, растерянная, испуганная, в дивном саду охотничьего дворца, и Эйр, убеждающий её, что все будет хорошо, что он рядом... И после, в Храме, когда он отстранился и стал совсем чужим...

Да, Эйр сейчас напоминал того рорага, что явился за Наири в другой мир, сманил, уговорил, уломал... и бросил в самый тяжелый момент адаптации. Анна знала причины прошлого поведения, однако сейчас не хотела ни вспоминать, ни понимать. В голове билась одна мысль: сейчас, в непростой период жизни, она снова осталась одна.

Но теперь Анна знала свою силу. И знала инкубов.

– Поднимись! – велела не посмевшему подняться без разрешения магу. – Зачем ты здесь?

– Старшая фрейлина...

– Я поняла!

Рийта, испугавшись состояния Наири, послала за целителем. Отказываться от осмотра было глупо и совсем по-детски. И Анна разрешила:

– Делай то, за чем пришел!

Она улеглась на низкое ложе, и маг простер над ней руки. Тепло сменялось покалыванием, иногда по телу пробегал легкий холодок... Анна наблюдала с любопытством: её всегда интересовали способы диагностики местных целителей, хотя их природу она не могла постичь.

– Дитя в порядке, Наири, – склонился маг перед ложем. – А вот душевное спокойствие госпожи под угрозой. Наири необходим покой. И я посоветовал бы ей покинуть Храм Белых

Облаков. В это время года здесь не самый лучший климат. В Храме Снегов госпоже и её ребенку было бы комфортней.

Именно на этом уже давно настаивал Эйр. Анна вдруг почувствовала, как давят стены, как духота душит легчайшим газовым шарфиком, захлестнувшимся вокруг шеи. И захотела оказать как можно дальше отсюда.

– Благодарю за совет. Рийта! Мы отправляемся в Храм Снегов!

Погрызший в праздной лени Храм вздрогнул. Подготовка к отъезду заняла несколько дней. Анну эта суэта не коснулась. Она, уступив просьбам целителей и фрейлин, почти не вставала с кровати. Но если тело отдыхало, то голову просто атаковали мысли. И чем больше Анна размышляла, тем больше грустила.

Эйр настаивал на ребенке. Он мечтал, чтобы Наири родила. Правда, дитя должно было быть от человеческого мужчины, а не от инкуба. Рораг снова тревожился за страну, забыв о чувствах женщины.

Чтобы окончательно не сойти с ума, Анна позвала Тайкана.

– Наири, да благословит...

– И ты туда же! Тайкан! Прошу, прекрати, а то я в тебя чем-нибудь кину. Или взорвусь от злости!

– Кидайте, чем угодно, госпожа, только не сердитесь. Иначе Эстрайя снова погрузится в траур, а один очень упрямый рораг наложит на себя руки.

– Он уже третий день не появляется! – Анна даже не заметила капризных ноток в голосе. Зато их отметил Тайкан.

– Наири, вы явно выразили ему свое неудовольствие. Эйр просто боится показаться вам на глаза, чтобы не расстроить еще больше.

Анна сдержала невесть откуда накотившую истерику, и выдохнула:

– Тогда ему и в Храм Снегов ехать не стоит!

Тайкан опешил. Такой реакции от вечно рассудительной Анны он не ожидал. И даже пожалел, что вмешался. Теперь ему оставалось только согласиться:

– Вы зря сомневаетесь в нем, госпожа. Доказательство внутри вас, я ведь не раз говорил, что дитя от человека и инкуба – плод искренней любви, а не просто страсти.

Анна осеклась. Она на самом деле забыла об этой милой особенности физиологии и совместимости видов. Только отступить не собиралась:

– И все же на севере ему делать нечего.

– Он глава ваших рорагов, Наири, – попытался хоть как-то исправить ситуацию Тайкан.

– На время поездки его обязанности переходят к тебе.

Тайкан кивнул. Он прекрасно понимал, в каком положении оказался, но спорить дальше не осмелился.

Сама Анна даже не поняла, на что обрекла несчастного. Ей и в голову не пришло, что у Эйра по отношению к Наири могли быть какие-то особенные обязанности. Тайкан, хорошо знающий Анну, тактично промолчал, решив про себя, что речь идет только о должности Верховного рорага Наири. На место в её сердце или постели он даже и не претендовал.

И без того работы оказалось море. Храм бурлил, готовя свою хозяйку в дальний путь: на кухне готовилась еда, на конюшнях приводили в порядок лошадей, проверяли сбрую. Но белого верблюда в этот раз не трогали: беременной Наири предназначались комфортные носилки, водруженные на плечи крепких мужчин.

Анне было все равно. Все её мысли занимал Эйр. И будущий ребенок.

Она никогда не думала, что долгожданное дитя будет расти без отца, тем более что рораг так хотел ребенка! Он даже надоел своими просьбами. Только вот... отцом её детей он видел не себя.

Анну это бесило. До злых слез, до истерик, которые она гасила в зародыше. Слишком хорошо понимала, что сейчас на способность трезво мыслить влияют гормоны. И неопределенность.

А еще окружающие! Они словно не видели ничего особенного в том, что Эйр не считает ребенка своим! И вели себя так, словно для беременности отец был и не нужен! В то же время для всех, включая короля и королеву, дитя было желанным:

– Плод любви Наири и инкуба – величайший дар для Эстрайи! Этот ребенок будет великим магом и, возможно, затмит своих предшественников! Вот увидите, о нем еще будут слагать легенды!

Кхемара искренне радовалась беременности подруги. Она словно забыла о собственном бесплодии и рьяно взялась готовить малышу приданое. Кроватки, пеленки, платица... На время королевский дворец превратился в филиал «Детского мира». Анна не спорила, ей было пока все равно, какого цвета кроватка и достаточно ли мягкие пеленки предоставили портные. Наири хотела одного: чтобы её оставили в покое, потому что, несмотря на все усилия магов, токсикоз не проходил.

Раздражало все: ветер, шелест листьев, соленая еда и еда без соли. Анна сама измучилась и очень надеялась, что поездка внесет хоть немного разнообразия. Но всю дорогу пролежала в носилках, борясь с тошнотой. Сил не было даже протянуть руку, благословляя встречающих, и служанки старательно задерживали занавески, чтобы никто не увидел состояния Воплощенной Лилит.

По мере продвижения изнуряющая жара сменилась приятным теплом. Дышать стало легче, да и сам воздух словно поменялся: аромат хвои превратился в своеобразное лекарство, перед ним отступала даже утренняя тошнота. Анна радовалась, что поддалась уговорам и отправилась в Северный Храм.

Само строение поражало монументальностью – комплекс не уступал по размерам Храму Белых Облаков. При этом выглядел как-то... основательнее. Анна пришла в восторг и от тесовых крыш, и от резьбы на расписных ставнях, и от крытых галерей. А уж сад! Она так и рвалась пройтись по усыпанным молотой корой дорожкам, но Тайкан запретил:

– Наири следует отдохнуть после долгого пути. А если госпожа желает подышать свежим воздухом, ужин накроют в беседке.

Анна ухватилась за эту идею. Её не смущала даже усталость. Куда больше, чем голод, Наири мучила дорожная пыль. Несмотря на занавески, она пропитала одежду и покрыла лицо, отчего кожа неимоверно чесалась.

Рийта велела немедленно готовить купальню.

– Наири, так вы будете чувствовать себя намного лучше, да и аппетит появится.

Анна послушно согласилась – старшая фрейлина словно мысли читала, что немного пугало. Спорить было глупо, особенно, когда твое желание угадали до того, как оно было озвучено.

На севере не было воздушного, светлого мрамора южных краев. Его заменял гранит. Серый и красный, с темными нитями прожилок. И светлое дерево с затейливым рисунком. Анна видела такое несколько раз на мебельных выставках. Карельская береза – безумно дорогое удовольствие. Но здесь, в Эстрайе, она отвыкла считать сбережения, роскошь стала привычной, хотя необходимости в ней Анна так и не научилась испытывать.

Купальня северного Храма очень отличалась от той, что была в Храме Неба. Не было бассейнов из драгоценных камней, водопадов... Только струя ледяной воды звонко ударялась о гранитную чашу, нагревалась о теплый камень и падала в деревянную бадью размером с большую ванну. Прежде, чем залезть в неё, Анна провела рукой по медового цвета краю.

Гладкое дерево. Теплое. Уютное. На светлом фоне – переплетение темных прожилок. Они создавали настолько красивый узор, что не потребовалось ни резьбы, ни покрытий. Только полировка. Как мастера достигли такой гладкости, Анна даже не представляла.

Теплая вода обняла тело. Мелкие пузырьки пены лопались, вызывая приятные ощущения. Приятные настолько, что Анна поторопилась погрузиться в ванну до самого подбородка, смывая все, что может вызвать хоть малейший отзвук возбуждения. Сейчас, вдали от Эйра, сердясь на него, она все еще не желала плотских утех. Да и беременность им не способствовала – во время токсокоза желание не особо возникает.

Помогло мало. Воспоминания о любимом рораге, да еще в разлуке, тело словно с ума сошло. Через несколько минут Анна уже дрожала, и испуганные фрейлины поторопились добавить горячей воды.

– Наири, вам нехорошо? Вам холодно?

– Нет, все в порядке.

Анна вдруг заметила, что сидит почти в кипятке, и одежда девушек пропиталась влагой от ароматного пара. Служанки не знали, что делать, – Наири явно мерзла, но долгая горячая ванна могла плохо сказаться на ребенке.

– Я выхожу!

К Анне потянулись руки – помочь переступить через бортик, поддержать. Мягкая ткань укутала сухостью и тут же вызвала прилив нового возбуждения. Анна нахмурилась – ей совершенно не нравилось это состояние. А испуганные служанки повалились на пол, уткнувшись лбами в мокрый гранит.

– Все в порядке, поднимитесь, – Анна послушно поворачивалась, пока её вытирали, а потом заторопилась в беседку, где ждал накрытый стол.

Еда отличалась от столичной. Меньше овощей, больше рыбы и мяса. Пряные, маринованные кусочки таяли во рту, а когда подали мисочку с красноватыми крупинками, Анна умилилась: икра! Правда, масла к ней не нашлось, как и хлеба или блинов.

Видя растерянность Наири, на помощь пришла Рийта. Она взяла кружочек огурца и положила на него несколько икринок. Анна попробовала. Оказалось – вкусно. Свежий вкус огурца хорошо оттенялся соленой икрой. Точно так же понравился ролл из пекинской капусты, в которую завернули кусочек маринованной красной рыбы и немного риса.

Но больше всего Анна полюбила каши. Здесь они не ограничивались рассыпчатым рисом или рисом на молоке. Наири подали пшеничную, пшенную и перловую. Последняя просто таяла во рту. Анна вспомнила, что именно так готовила перловку бабушка: перебирала зернышко к зернышку, потом с вечера замачивала в родниковой воде, а утром долго, несколько часов томила в русской печке. А потом добавляла грибы или мясо или просто пережаренный до золотистого цвета лук... Дома так не получалось, даже на водяной бане.

Воспоминания о бабушке, о деревне, о беззаботном детстве всколыхнули тоску. Анне вдруг стало жалко себя. До слез, навзрыд. И она глотала перловую кашу с грибами, сдерживая всхлипы.

Фрейлины, уже привычные к перепаду настроений беременной Наири, остались невозмутимы. А вот новенькие служанки, живущие при храме, перепугались. Их долго поднимали с земли, убеждая, что госпожа не гневается и её слезы – не вина окружающих.

Тайкан тихо отдал приказ. Рийта подала знак, и девушки подхватили Анну под руки.

– Наири устала!

В саду воцарилась тишина. Анна шла по тропинке, не замечая красоты хвойных деревьев, папоротников, камней и зарослей иван-чая. Она очень хотела верить, она поверила, что это капризное состояние – результат усталости, что нужно только отдохнуть, и все придет в норму. Но вели Наири не к Храму.

Небольшая беседка, закрытая со всех сторон деревянной решеткой, ждала в конце пути. Вокруг рорагами выстроились ели, и любопытная белка высунулась узнать, что происходит. Потом тренькнула что-то и умчалась, оставив качаться зеленую лапу.

– Наири... – Тайкан откинул невесомый полог.

Внутри со стен свисали легкие драпировки. Аккуратные складки, красивые подхваты... И ни щели между светлыми полотнами. Анна поняла – почему. Там, в прошлой жизни, ей приходилось бывать в лесу, и комары портили все удовольствие от прогулок. Здесь же, судя по всему, их должно быть не меряно.

– Маг не справится? – Анна осторожно опустилась на кровать, пробуя жесткость. И провалилась в перину.

– Маг справится со всем, госпожа, – Тайкан сам опустил входную занавеску.

Сняв с Наири обувь, служанки удалились. В беседки остались только Анна и рораг. Он ту же отбросил церемонную чопорность.

– Наири, ведь дело не в усталости.

– А в чем? – Анна с наслаждением вытянулась на кровати. – Я отдохну, и все будет хорошо.

– Вы... скучаете?

Анна резко села. Так, что прихватило спину. Она ойкнула, и испуганный Тайкан метнулся к двери, позвать на помощь.

– Не надо! – он тут же вернулся. – С чего мне скучать? Вокруг меня такая карусель. Носятся, как с куриным яйцом, которое нельзя разбить...

– Наири...

– Что – Наири? Я же знаю, что от меня требуется. Прана. Только прана. А от кого... какая разница.

– Наири, – только и смог прошептать Тайкан, настолько его поразила боль в голосе собеседницы.

– Что? – она посмотрела на него, в глазах скапливались слезы и уже готовы были пролиться ручьями на щеки, пробежать к губам, опуститься на подбородок, чтобы сорваться соленой каплей вниз, на едва прикрытую тонким хлопком грудь.

– Наири... – он протянул руку, осторожно коснулся пальцем щеки. И сел рядом.

Она тут же уткнулась лицом в его плечо. И позволила себе не сдерживаться. Плакала навзрыд, до крика, чуть не срывая голос. Тайкан гладил её по волосам, не боясь нарушить сложную прическу, по вздрагивающим плечам, по спине... и ощущал её желание.

Он едва не поддался привычке подчиняться этому настроению Наири. И все же сдержался. Она хотела не его. Она хотела мужчину, оставшегося в столице, тоскующего не меньше, чем его госпожа.

– Наири? – он чуть отстранил Анну, заглянул в опухшее лицо. – Наири, а может... отправить в Храм Белых Облаков гонца? Он придет. Клянусь, примчится быстрее ветра.

И Анна понимала, что говорит Тайкан отнюдь не о гонце.

– Не надо, – она вытерла слезы. – Не хочу навязываться.

И рораг отступил, хотя с языка рвались горькие фразы. Хотелось рассказать, объяснить, заступиться за друга. Но не посмел. И тихо отошел в сторону, позволяя подоспевшим фрейлинам умыть заплаканную госпожу.

Понемногу Анна успокоилась. И даже вздремнула, не обращая внимания на присутствие Тайкана. Обида на Эйра грызла душу, и при этом очень не хватало его присутствия, его объятий, спокойного голоса и уверенности, что пока он рядом – ничего не случится. Одной в постели было так холодно! Теплые покрывала, которыми Тайкан и Рийта заботливо укутывали Анну, не помогали.

А вечером Наири разрешили прогуляться.

Это напомнило Академию. Там тоже было не видно, не слышно охраны – все рораги скрывались между деревьями, в кустах, в высокой траве... Полное ощущение одиночества. Обманчивое, но Анна гнала от себя мысли о слежке. Хотелось побыть одной.

Тихо похрустывала под ногами толченая кора. Красновато-коричневая, как и у высоких сосен вокруг... Они вздымались справа и слева ровными рядами, стройные, гордые...

– Это их называют мачтовыми? – поинтересовалась Анна.

Слова, брошенные в пустоту, не остались без ответа – Тайкан тут же оказался рядом.

– Да, госпожа. Это корабельные сосны. Вам нравятся?

– Не знаю.

Она огляделась. Деревья, деревья... Вместо подлеска – папоротник, из которого то тут, то там выглядывают камни, красные и серые. Некоторые покрывал мох, устроившись в выбоинах красивым ковром. И все же этой красоте не хватало главного – натуральности. Анна уже научилась отличать мастерство садовников от дивного, буйного искусства природы.

А еще... Эти сосны напоминали Эйра. Такие же нестигаемые. И одинокие. Тоска затопила душу. Анна вдруг отчетливо поняла, что так и не смогла стать для него по-настоящему любимым человеком. Он оберегал её, заботился, может быть, даже привязался... А в душу не впустил, держал на расстоянии. И это причиняло сильную боль.

– Вам нехорошо? – встревожился Тайкан. – Носилки Наири!

– Не надо! – остановила Анна ретивых слуг. И взяла своего телохранителя под руку. – Покажи мне еще... что-нибудь.

Тайкан на мгновение задумался, а потом свернул на другую тропинку.

Не было больше измельченной коры. Под ногами лежали гранитные плиты. Между ними пророс мох и трава, а сосны сменились разлапистыми елями. Почти такими же, как и вокруг той беседки, что послужила Анне временным приютом.

Садовники и тут постарались! Сорты подобрали со всяческим тщанием. Цвет хвои менялся от желтоватого до почти черного, с переходом через все оттенки зеленого. Казалось, это огромный изумруд отразил в себе солнце, преломил и окрасил его лучи, позволив насладиться нюансами оттенков. Но и в этом великолепии не было естественности.

– Вы думаете о нем?

– М? – Анна даже удивилась. Искусство садовников сумело отвлечь от горьких мыслей, а Тайкан снова вернулся к ним. – Нет. Я думала о том, как же у них это получается, – Анна обвела рукой окружающее. – Красиво. Только никак не пойму, нравится мне, или нет.

– Наверное, я плохой спутник, – вздохнул Тайкан. – Эйр бы нашел слова...

– Ты прав, – вдруг решила Анна. – Он нашел бы слова. Он их всегда находит, даже когда не надо. Рядом с ним мне нравилось все: дождливая погода или солнечная, гроза или ведро, удушающая жара или пронизывающий ветер. А без него...

– Пустота... – закончил Тайкан.

Анна осеклась. Сейчас он не о ней говорил. О себе. Та старая рана не излечилась. Пустила корни в душе, приросла, проросла – не выкорчевать.

– Все еще... болит? – она приложила руку к мужской груди.

– Болит, – просто согласился он. – Наири, Анна! Умоляю! Не идите по этому пути, не позволяйте случайным разговорам привести к непоправимой беде!

– Случайным разговорам? – Анна покатила словосочетание на языке. Как камушек. Или невкусный леденец. – Случайным...

– Именно, госпожа. Я не знаю, что на самом деле произошло между вами, чем прогневал вас Эйр, но уверен: он сам об этом жалеет. Наири для него вся жизнь, его сердце, его дыхание...

– И поэтому он не желает признавать собственного ребенка? – горькая усмешка искривила припухшие губы.

– Не не желает, госпожа. Он не смеет.

Анна резко остановилась:

– Не смеет? – эхо подхватило вскрик и отправило гулять между деревьями. – А кто может запретить Верховному рорагу что-либо? Насколько я помню, даже мои приказы он переиначивал по-своему!

Вместо ответа Тайкан опустил взгляд на свою правую руку. На пальце мерцало серебром жвериндовое кольцо.

Анна вскрикнула. И тут же прижала ладонь к губам, чтобы не выругаться. Дура! Как она могла забыть про Проклятье Жверинды! Эйр смертельно боялся за ребенка, боялся настолько, что ни жестом, ни словом не смел выразить участия в его судьбе. Он мог только заботиться о самой Анне.

Самобичевание тут же сменилось обидой. Эйр же видел, как ей плохо! Как хочет она участия и поддержки. А он просто отдалился и даже не намекнул, в чем дело. Словно она выросла в этом мире, и все происходящее для неё – само собой разумеется.

Обидевшись на весь мир, Анна решила спрятаться от него. Кто знает, какие мысли придут в голову в одиночестве. Может быть, она сможет успокоиться. По крайней мере, не надеется глупостей, которые больно ударят по окружению.

– Я устала, Тайкан. Отведи меня обратно.

Покои сильно отличались от привычных, невесомых комнат Храма Облаков. Невысокие потолки с низкими балками. Деревянные срубовые стены. Мебель тоже вся резная. Никакого мрамора, только полированный гранит кое-где. Анна провела рукой по прохладному камню:

– Здесь все другое.

– Зимой дуют холодные ветры, и в просторных залах очень сложно удержать тепло. Поэтому помещения такие маленькие, – Рийта словно извинялась, объясняя Наири местную архитектуру. – Все же надеюсь, вам здесь будет удобно.

– И уютно, – Анна с наслаждением опустилась в мягкое кресло. Подушка удобно поддерживала спину, а под уставшие ноги тут же поставили скамеечку. Служанка сняла с Наири обувь и начала массировать ступни, сгоняя отеки:

– Наири нужно больше заботиться о себе. И о ребенке.

– Тебя не спросила, – Анна постаралась, чтобы девушка не услышала её бормотания, но на всякий случай произнесла это по-русски. Служанка даже не вздрогнула, продолжая мять, поглаживать, разминать...

Умелые руки не причиняли беспокойства. Тепло поднималось от ступней к коленям и выше, охватывало низ живота, томилось в груди... Суккубы знали свое дело не хуже инкубов. Но сейчас Анне было не до них. Она на самом деле устала. Её измучили постоянные переживания, хотелось закрыть глаза и забыть обо всем...

Обстановка комнаты помогла забыться. Светлое дерево карельской березы, от почти белого до золотого, поднимало настроение. Прожилки на стенах и мебели казались ниточками карамели на поверхности меда. Постепенно мысли подчинились окружению, утонули в патоке, потекли медленно и сладко... Анна задремала и не слышала, как переносили её в кровать, как раздевали, как покрывали лицо и руки бальзамами для сохранения красоты...

Утром экзекуцию во славу красоты пришлось пережить наяву. Грудь набухла, и живот потихоньку начал увеличиваться.

Анне запретили любимые горячие ванны, а после купания долго втирали в тело разные масла.

– Наири ведь не желает, чтобы после родов её кожа обвисла и покрылась уродливыми шрамами!

И Анна стойко выносила процедуры намазывания, обертывания, вбивания... Хотя на собственное тело ей было наплевать. Эйр больше её не желал. А остальные инкубы... им все

равно, как выглядит Наири, они скрасят её одиночество независимо от того, будет ли она неземной красавицей или уродиной. Анна начала подозревать, что и для Эйра разницы не было.

Маг-целитель появлялся несколько раз в день. Он приносил различные отвары и порошки высушенных трав, заставлял выпивать все до капли, проверял еду, составлял рацион. Вокруг словно забыли, что Анна сама – врач и в состоянии позаботиться о себе и ребенке. Это раздражало куда меньше, чем удушающая забота. Анна была готова принимать её в таком количестве только от одного инкуба во всей Эстрайе. Но именно он не торопился ей на помощь.

И она устроила бунт. Тайный, незаметный. И нашла союзника. Хон, как и в былые времена, остался на стороне своей Наири и полностью её поддержал.

Он мало чем напоминал того безбашенного курсанта. Стал слишком... правильным, выверял каждое свое слово, каждый жест, и, казалось, даже каждую мысль. Но когда Наири поделилась с ним своими планами, в темных глазах адъютанта загорелся знакомый Анне огонек. В душе Хон остался тем же взъерошенным авантюристом. А значит...

– Вы точно уверены, Наири?

– Уверена. Так ты поможешь?

– Не сомневайтесь! – юноша улыбался во весь рот. Даже руку непроизвольно поднял, взъерошивая шевелюру. Анна счастливо улыбнулась: хоть кто-то остался с ней, не предал, не отвернулся...

– Смотри, – предупредила серьезно, – расскажешь кому-нибудь – придушу собственными руками.

– Это счастье для рорага – умереть от рук своей Наири, – тут же склонился Хон. И рассмеялся: – И нет большего греха, чем прогневать госпожу. Я сохраню все в тайне. Только умоляю – улыбайтесь почаще!

– Ваше величество... – Эйр преклонил колено перед королевой.

Кхемара поджала губы. Из-за этого рорага Наири уехала из столицы совсем больная и в отвратительном настроении. Лартих хотел наказать преступника, и отговорить его оказалось непростым делом.

– Ступайте! – бросила, не оглядываясь.

Фрейлины встали с пола и длинной цепочкой потянулись к выходу. Когда шлейф длинной юбки последней алой змеей скользнул за дверь, королева снова повернулась к так и не поднявшемуся рорагу:

– О чем ты думаешь?

– Простите?

– Наири рожать через несколько месяцев. А я до сих пор не вижу в Храме ни малейшего следа приготовления к этому событию!

– Разве за это отвечает не Старшая Фрейлина Наири, Ваше величество?

– А разве Верховный Рораг Наири не обязан принять в этом участие? И гарем... придумай, что с ним делать. Зная Анну, она не войдет к ним еще несколько лет, хотя должна бы. Я подбирала ей самых красивых мужчин, а она предпочла... служаку. Да еще не своей крови. Как ты будешь расплачиваться за то, что вместо наследницы на свет появится полукровка? Или ты не знаешь, как хрупко благополучие Эстрайи?

– Простите, ваше величество. Я сделаю все, чтобы искупить свою вину. Сегодня же я начну процесс передачи дел своему приемнику, и...

– И будешь дураком! Идиотом! Придурком! – не выдержала королева.

Шелковая подушка полетела в Эйра. Он не посмел уклониться, и острая грань мелкого бриллианта, украшавшего вышивку, мазнула по лицу. По щеке потекла кровь.

– Утрись, – равнодушно бросила королева. – И напряги мозги. Всем нам известно о Даре жверинды и каким проклятьем это может обернуться. Наири сердита на тебя за твою грубость, но если с тобой что-то случится... ты же знаешь, как хрупко её душевное равновесие. Воплощенная Лилит повторила ошибку многих Наири – влюбилась. И вместо того, чтобы жить в неге и радости – страдает.

– Простите...

– Это великий дар Праматери Лилит – плотская любовь. Я рада, что наша Наири познала его в полной мере. Однако она любит не только телом, но и душой. Говорят, – королева поднялась с подушек и спустилась с возвышения к Эйру, – нам никогда не постичь подобного... Хотя мне иногда кажется... Скажи мне, рораг, – Кхемара наклонилась над коленопреклоненным телохранителем, – скажи, ты никогда не чувствовал, как сердце бьется сильнее от одного присутствия Наири? Ты мечтал умереть по одному её слову – не как воин, нет... как возлюбленный...

– Ваше величество...

– Я поняла, – выпрямилась королева. – К нашему несчастью, Наири полюбила именно тебя. И чем же ты платишь ей за милость? Думами о самоубийстве?

– Ваше... – Эйр даже договорить не смог. Он не понимал, как королева догадалась о тайных, страшных мыслях, что мелькали в голове тяжелыми ночами.

– Удивлен? Какой же ты все-таки наивный, Верховный рораг Наири... Твоя госпожа плачет, когда ты рядом с ней. Но боль от того, что она тебя отталкивает – куда сильнее, уж поверь. Наири никогда не признается тебе в своих сомнениях, а она именно сомневается. Она боится, что ты её разлюбил!

– Почему? – Эйр растерялся.

– Послушай, – королева села прямо на ступеньку. – То, что я делаю – не к лицу королеве. Но я еще и женщина. И я знаю, что такое любить, забывая о себе. И я знаю, какую боль может причинить любимый. Поэтому я вмешиваюсь. Греховно, преступно... И все же по-другому не могу! Эйр, я не знаю, что ты собираешься делать, однако если ты оттолкнешь Анну – я тебя не прощу. Я лично убью тебя, и пусть она потом проклинаят меня, сколько хочет, но я избавлю её от этой боли.

– Я понял, ваше величество... – только и смог прошептать потрясенный Эйр.

Покинув покои королевы, он долго стоял, прислонившись к стене. И корил себя за тупость. Как он, тот, кто считал что любит, не смог понять? Занятый собственными переживаниями, он причинил боль единственному дорогому существу. Эйр был благодарен королеве за то, что она открыла ему глаза. И) в то же время дико боялся, что опоздал: если Анна решила порвать с ним... он не сможет жить. Не потому, что таковы обычаи. Просто... станет незачем. И остро, до боли в груди, до откровения он понял Тайкана.

Ровно посаженные деревья, тщательно подобранные растения... они были красивы. Но Анна скучала, гуляя по окружающему Храм саду. Ей хотелось других впечатлений. Увидеть природу Севера. Настоящую, живую. Вдохнуть запах леса, мха, увидеть цветение трав, набрать охапку иван-чая, почувствовать его аромат, чуть отдающий горечью и медом... Этого она был лишена. До момента, как из-за очередного камня выскочил Хон.

Лошадь, усаженная шипами. Третья, невероятная ипостась инкуба. Больше такого никто так и не смог повторить, и Хон считался уникальным рорагом. Этим Анна и воспользовалась.

Живот пока не мешал. Она легко заскочила на подставленную спину, и Хон бросился вперед, по дорожке, мимо опешивших рорагов. Ему в след летели визги фрейлин, плач служанок и проклятья Тайкана.

А Анна наслаждалась: сад закончился, и перед восхищенной Наири раскинулась разноцветным ковром тундра.

– Потрясающе! – восторженный вопль разнесся над бескрайним простором. – Я не знала, что здесь... так!

Анна оглянулась. За спиной высились хвойные посадки, и из-за деревьев выскакивали чудовища. Рораги знали – в человеческом облике им не догнать Хона, и перекидывались прямо на бегу.

– Притормози.

Хон послушно перешел на рысь, а затем на шаг – Наири верно оценила шансы. Удирать по равнине, где под ноги то и дело подворачивались камни и скользкие лишайники, было еще тем удовольствием.

– Наири лучше вернуться! – голос Тайкана гудел, словно проходил сквозь большую трубу.

– Наири не желает! И вообще... мне надоело сидеть в золотой клетке! Я хочу свободы! – возмутилась Анна. – Хон, покажи мне окрестности. А вы, – тщательно наманикюренный палец уткнулся в грудь Тайкана, – только попробуйте помешать!

Рораг отступил и подал знак. Демоны рассеялись, проверяя, есть ли опасность для их госпожи. А Хон неторопливо пошел вперед.

– Потрясающе! – повторила Анна. – Я думала, здесь тайга!

– Лесотундра, госпожа, – поправил Тайкан. – Чуть дальше начнется еловый лес. А здесь... взгляните! – он протянул руку, предлагая спешиться.

Анна оценила этот жест и через мгновение стояла на земле.

Зеленовато-серый мох пружинил под ногами.

– Это ягель, – улыбнулся Тайкан.

– Что, я так явно удивилась? – буркнула Анна. Она еще злилась.

– Вы впервые в таком месте. Осмотритесь, север по-своему прекрасен!

Анна не могла не согласиться.

Багрянец, зелень, плавные переходы от желтого до бурого... Растения покрывали плоские камни, кое-где серые и красные валуны умудрялись пробить сплошной растительный ковер. Под ними укрывались от ветра низкие кустики с толстыми, словно восковыми листьями.

– Брусника. Вот, – Тайкан сорвал несколько сморщенных бардовых ягод. На гигантской ладони демона они смотрелись бисером. – Попробуйте.

Анна покосилась на него с подозрением, но все же положила угощение в рот. И тут же скривилась:

– Ужас!

– Осенью они еще кислее. А вот это, – чуть загнутый коготь указал на белый цветок с черной сердцевинкой, – вороний глаз. Ягоды ядовиты, пожалуйста, не трогайте их. А вот эти... – коготь уткнулся в куртинку похожего на карликовую елочку растения – шикша. Ягоды хорошо утоляют жажду. И полезны для беременных. Их будут собирать для Наири и присылать в Храм Белых Облаков.

– Думаешь, я туда вернусь?

– Осень на севере прекрасна. Однако зиму лучше провести в столице. А еще... ребенок Наири должен появиться в Храме Белых Облаков независимо от того, кто это: человек, или полукровка.

Напоминание о беременности немедленно испортили настроение. Анна повернулась к Хону:

– Возвращаемся!

– Наири, я пошлю за носилками!

– Я хочу ехать верхом! Срок еще не большой, я могу себе это позволить.

– Как скажете.

Теперь Хон не спешил. Ступал плавно, словно вез на своей спине фарфоровую чашу, полную воды, и боялся расплескать хоть каплю. Анна начала подозревать, что это неспроста.

Она не ошиблась.

В Храме Севера к ней кинулись обеспокоенные фрейлины и увлекли в здание – искупать, накормить, причесать... Входя в двери, Анна увидела, как поднимается с земли голый Хон, и взгляд, устремленный на него Тайканом. Рораг уже принял человеческий облик, поэтому мысли хорошо отразились на лице.

– Хона ко мне! – приказала Наири, усаживаясь за стол.

Служанка выскользнула за дверь, но почти сразу же вернулась:

– Господин Тайкан сказал, что Хон занят.

– Тогда... позовите самого господина Тайкана.

Тот явился незамедлительно.

– Наири, вы искали меня?

– Где Хон?

– Он получил от меня задание и...

Тарелка разлетелась на осколки прямо у ног рорага.

– Следующая полетит в лоб. Где Хон?

– Наири, я уже...

Анна невозмутимо взяла чашку, примериваясь, как кинуть ловчее – главным было не попасть в самого рорага, Тайкан бы не сдвинулся ни на полшага.

– Тайкан... Ты же меня знаешь, – голос Анны тек густым, сладким киселем. – И я тебя знаю. И ваши традиции мне тоже теперь известны. Где Хон?

– Рораг Саван Хон получил от меня задание и...

Чашка разбилась с громким звоном.

– Тайкан! – Анна больше не скрывала злости. Фрейлины, привычные ко всему, тихо отступили. Служанки Храма Севера в ужасе повалились на пол. – Тайкан, с каких это пор твои приказы стоят выше моих? Наири велела Хону явиться! Почему он еще не здесь?

Рораг опустил голову. Он долго смотрел на разбитую посуду, словно пересчитывал осколки. Потом попытался успокоить госпожу:

– Наири, согласно нашим традициям рораг, совершивший проступок, должен быть...

– Какой проступок совершил Хон? Ну-ка, объяснись!

– Он подверг опасности...

– Он выполнял мой приказ! Что следует за непослушанием? Может, и мне напомнишь, каким правилам я обязана подчиняться?

– Наири сама создает законы, – склонился Тайкан. – Я молю о прощении.

– Пошли за Хоном. И садись к столу – мне надоело есть в одиночестве.

Важное дело, которое мешало адъютанту явиться на зов, тут же исчезло. Анна выразительно посмотрела на синяк, расплывающийся на скуле юноши, и хмыкнула:

– Командир лично руку приложил?

Тайкан тут же закашлялся и уткнулся в чашку с водой. Анна постучала его по спине:

– Не волнуйся, ты мне нужен живым. Как и все мои телохранители. Так какие у нас планы?

– Все к удовольствию Наири, – Тайкан спрятался за традиционной формулой.

– К моему удовольствию, говоришь? – хмыкнула Анна.

Она больше не могла сидеть без дела. Стоило оказаться наедине со своими мыслями, как накатывала тоска, и токсикоз казался невыносимым. По привычке Анна убежала в работу.

Лечебницы такого же масштаба, как в столице, она открыть не могла. Зато небольшой кабинет – вполне. Для этого Анна присмотрела небольшой хозяйственный домик на границе храмового сада. Сруб с окнами, затянутыми слюдой, три небольшие, теплые комнаты – половину среднего помещения занимала печка. От неё тянулись глиняные трубы.

– Зимой здесь можно ходить совсем голым, – доложил садовник, который и следил за домиком.

– Прекрасно! Есть и приемная, и кабинет, и даже операционная! – радовалась Анна и не видела, как мрачнел Тайкан.

На его голову свалилась новая проблема: Наири могла загнать себя работой, она не знала меры. К тому же очередная задумка госпожи грозила истощить её личных магов. А значит, надо было срочно отправлять гонца к Эйру.

Единственное, чего сумел добиться Тайкан, это того, что Наири не будет работать весь день, а оставит время на отдых. И не пару часов перед сном! Для наглядности и соблюдения договоренности ему пришлось даже составить режим дня для упрямой госпожи.

Анна билась за каждую минуту так, словно она из неё жизнь вытягивала. Но у Тайкана неожиданно появился союзник: в кои-то веки Хон выступил против Наири:

– Госпожа! Подумайте о ребенке! Переутомление скажется прежде всего на нем!

– Прежде всего на нем скажется мое дурное настроение! Разве вы не в курсе, что мать должна быть счастлива, тогда и малыш родится здоровым?

– И все же...

Переговоры и уговоры выматывали, как планирование военной операции. За каждую уступку Анна требовала преференций, послаблений то в одном, то в другом... Так, пришлось отказаться даже от ежедневных явлений Наири местным жителям. Им позволялось приходить в Харм Севера, однако Наири не восседала на резном ложе, и прана не благословила этот край. К счастью той, что выплеснулась в столице, хватало с лихвой.

Также Анна запретила собирать гарем:

– Я знаю, что везде, кроме Храма Белых Облаков, мужчины живут временно, только для того, чтобы получить прану и передать своим невестам. Однако сейчас я не в том положении, чтобы идти им навстречу. К тому же я свой собственный гарем использовала только для укрытия от внешнего мира. Не тратьте ресурсы зря!

Самым же кошмарным условием для Тайкана оказалось требование предоставить свободные прогулки без охраны. На этом моменте рораги и Наири сцепились намертво.

– Я не могу выполнить вашу просьбу!

– Это не просьба, это приказ!

Анна проклинала себя за упрямство, не понимала, почему так настаивает на этих прогулках. Она знала, чем грозит появление без охраны здесь, вне стен столицы... И все же требовала своего:

– Или прогулки, или больница! Большая! Полноценная! Со стационаром!

Тайкан уже неплохо разбирался в терминологии земных врачей и представлял, чего хочет Наири. Это казалось невозможным – в короткие сроки возвести капитальные строения, набрать целителей, подготовить магов... Но и отпустить Наири одну тоже было невозможно!

– Будет вам больница! – не выдержал наконец Тайкан. – Только надо связаться с его величеством и доложить...

– Не держи меня за дуру! – Анне словно вожжа под хвост попала. – Я что, не знаю, что вы сейчас начнете гонцов туда-сюда гонять, дождетесь осени, когда мне уезжать будет пора, а потом спустите все на тормозах! Мол, родит, не до больницы будет? Ну уж нет!

Тайкан чувствовал, что сходит с ума. Даже его бесконечное терпение подходило к концу, и однажды он не сдержался:

– Все к удовольствию Наири! – ехидно поклонился и впился взглядом в широко распахнутые от удивления глаза Анны. – Но при этом Наири не следует забывать, что если она погибнет или попадет в плен, то эта фраза лишится смысла! Просто потому, что Эстрайя погибнет, и мы не сможем выполнять соглашение дальше.

– Поэтому вы решили нарушить его сейчас?

– Ради блага Наири и своей страны – да!

Анна опешила. Ей вдруг померещилось, что перед ней не Тайкан, нет. Показалось, что это Эйр говорит то, что наболело за много лет. Выплескивает свою боль, свое раздражение и... ненависть.

И она кинулась прочь. Так быстро, что Тайкан не сразу понял, что случилось. А Анна выскочила на улицу и бросилась бежать. На глаза попался оседланный конь.

Верховые прогулки не прошли даром. Взлететь на спину шарахнувшегося животного не касаясь стремян оказалось легко. Гораздо легче, чем сдерживать слезы.

Мелькнули и исчезли корабельные сосны. Из-под копыт полетели куски лишайника, и подковы выбили из камней частую дробь. Анна вцепилась в гриву и не позволяла коню замедлить бег. Она задыхалась от плача, но успокаивала себя, что это ветер хлещет по лицу, вызывая слезы.

Гранитные валуны стали встречаться все чаще. Между ними нежными подростками застыли молодые ели. А дальше... Темно-зеленые лапы закрыли солнце, в этом царстве хвойного леса ему не было места.

Сумрак слегка отрезвил. Анна натянула повод, сдерживая безумный бег. Конь захрипел, роняя с губ пену. И завизжал, чуя опасность.

Камни задвигались. Они медленно поднимались, как в замедленной съемке, валуны разделялись на несколько более мелких, гранитные плиты превращались в каменные пластины... Анна завизжала не хуже своего коня и что есть силы вцепилась в гриву, чтобы не упасть со спины взбесившегося животного: оказаться в окружении саритов то еще удовольствие.

Копье ударило совсем рядом. Конь шарахнулся в одну сторону, потом в другую, уходя от пинка гигантской ноги. Анна вдруг поняла, как она хочет жить! Как хочет услышать первый крик своего ребенка, увидеть его улыбку, смотреть, как он взрослеет... Холодная ярость пришла на смену панике и...

– Я тут, Наири!

Хон не стал перекидываться в промежуточную форму – из шипастого коня он сразу превратился в демона. Нагота юношу не смущала, да и Анну тоже. Сейчас она панически боялась упасть. Не из-за себя – страх за ребенка заслонил все остальные чувства. Вырваться отсюда, бежать, спастись любой ценой... даже ценой жизни Хона.

Сердце стучало быстрее, чем копыта коня отбивали ритм о гранит. А перед глазами вставала другая засада. И умирающий Хон, у которого не осталось сил даже на переход в человеческий облик.

Теперь его ждало то же самое. Парень словно врос в покрытую мхом и лишайником землю. Он приготовился умирать и хотел только, чтобы Наири успела убежать, спрятаться, вернуться в безопасное место...

У Анны не получилось. Между ней и спасительными соснами, среди которых уже появились рораги в боевой ипостаси, словно из-под земли вырастали сариты. Теперь они не пытались заполнить Наири живой. Мертвая, она была полезнее.

Конь снова завизжал и встал на дыбы. Подпруга лопнула, и Анна оказалась на земле, больно ударившись правым боком. Она смотрела, как приближается гигантский кулак, но страха не испытывала. Поверить, что все происходит на самом деле, было невозможно. Все, что Анна испытывала – сожаление. И вину. Опустошающую, дикую вину перед не успевшим родиться ребенком.

Темная тень закрыла свет. И обрушилась на сарита, опрокидывая навзничь.

– Беги! – ревуший голос перекрыл шум схватки и подбросил Анну на ноги. Она вскочила и бросилась прочь, молясь, чтобы успеть...

Эйр, разделавшись с противником, догнал, подхватил на руки и взмыл вверх, пользуясь тем, что покрытые тяжелыми доспехами сариты не столь быстры.

Долго лететь не пришлось – только до деревьев. Там, передав Анну фрейлинам, что уже выпустили сверкающие когти, Верховный рораг Наири вернулся в битву.

Анну уводили в безопасное место, а она все оглядывалась. На Эйра. И на Хона. Парень оказался в окружении, и из оружия у него было только то, что дала природа. Остальные рораги уже прорывались сквозь заслон – сариты хоть и оставили сильную засаду, не могли долго продержаться против элитных воинов Эстрайи. Их смяли, вбили обратно в камни, из которых они вылезли, и оставили среди покрасневшего от крови мха.

– Наири!

– Эйр! – Анна кинулась к нему, обняла, не позволив опуститься на колени. Её не тревожил ни запах крови, ни то, что она сама перемазалась ей с ног до головы. – Эйр...

– Наири, простите, – отстранился рораг, – я не выполнил ваш приказ. Я...

Он осекся, увидев её взгляд. И, наплевав на церемонии, крепко сжал её в объятиях:

– Не выдержал. Прости. Без тебя там невозможно жить.

Они целовались. Не обращая внимания ни на рорагов, ни на служанок. Потом Эйр отстранился. Анна потянулась следом, глядя прямо в бешеные глаза...

– Эйр...

– Подожди. Дай мне несколько минут... – и выскочил прочь.

Анна опешила. Уронила руки и смогла только молча смотреть вслед убегающему инкубу.

Рийта опомнилась первой. Фрейлины окружили Наири, увлекли в купальню. В теплую воду добавили ароматной пены с запахом жасмина. Под ловкими пальцами девушек распутались колтуны, и волосы упали на плечи шелковой волной.

Анну намыливали, растирали различными губками и спонжами, умащивали маслами. Правда, долго нежиться в пахнущей медом купели не позволили: вытащили из воды, укутали в мягкую ткань и отвели в спальню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.